

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

РАФАЛ КОСИК

ЧЁТКИ

Рафал Косик

Четки

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Косик Р.

Четки / Р. Косик — «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-120894-3

Это – Варшава будущего. Здесь механизм правопорядка отрегулирован благодаря бесстрастному искусственному интеллекту g.A.I.a. Он работает автономно, неустанно развивается и постоянно себя совершенствует. Каждому человеку присвоен индекс потенциальной опасности, и те, у кого он слишком высок, будут для начала спровоцированы, а затем элиминированы, причем никто не знает, что происходит с теми, кто исчез после приговора g.A.I.a. В этом мире Харпад – единственный, кто может за деньги увидеть индекс ПО любого жителя города. Разумеется, он привлекает внимание властей и криминального авторитета, который сумел выжить в столь экстремальных условиях. Все они понимают, что ИИ, похоже, сформировал свои собственные представления о том, как должно выглядеть справедливое человеческое общество, и начинают ему сопротивляться. Когда Харпад под давлением берет новый заказ, он еще не знает, в какую игру ввязался, не осознает, насколько обманчивым может быть все вокруг. Ведь последствия его деятельности могут привести к катастрофе, так как Варшава будущего – это не город. И дело происходит не на Земле. И очень тонкая преграда отделяет этот мир от беспредельной бездны космоса.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-120894-3

© Косик Р., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Часть I	7
II	20
III	32
IV	37
V	49
VI	55
VII	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Рафал Косик

Чётки

Роман

Rafał Kosik
Różaniec

* * *

Публикуется с разрешения автора и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Copyright © 2017 Rafał Kosik
© Ирина Шевченко, перевод, 2022
© Елена Шевченко, перевод, 2022
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть I

Предчувствие должно было подсказать ему, что он уже по ту сторону. Но оно отсутствовало – влияние предков, заглушавших их с незапамятных времен. Он понял, что что-то не так, когда двое качков в золотых зеркальных шлемах преградили ему путь во время вечерней пробежки. Деревья в парке закрывали свет фонарей, из-за чего он едва не налетел на них. Подумал, это нападение и, наверное, только потому так отреагировал. Кинулся в сторону и споткнулся о бордюр. Услышал электрический треск, и голубые искры пролетели у него над головой. Он поднялся с травы и побежал. Не кричал, не оглядывался, чтобы не тратить силы. Он просто бежал, так быстро, как только мог. Голубые искры рассекали воздух еще дважды. Они не могли стрелять и бежать одновременно. Расстояние увеличивалось. У него было преимущество, он бегал каждый день. Он перепрыгнул низкое ограждение клумбы, растоптал розы и свернул в сторону Уяздовских аллей. Рискнул и оглянулся. Не догоняли, отставали на целых пятнадцать метров. Если он добежит до ворот... там будут люди, камеры, много камер. Он выбежал на выложенную брусчаткой аллею и за несколько секунд преодолел расстояние, отделяющее его от спасения.

Напротив ворот остановилась оранжевая Ныса. С шипением сжатого воздуха отъехали двери с надписью «ЭЛ» в круге, и из машины выпрыгнули четверо мужчин в черно-оранжевых комбинезонах и шлемах с золотыми зеркальными щитками. От испуга он почти остановился, свернул влево и побежал, но это мгновение остановки ему и помешало. Голубой блеск пронзил острой болью левое плечо. Остальной заряд разбежался с шипением по кованому ограждению. Лепестки роз посыпались, как перья из разорванной подушки. Он вскрикнул и пошатнулся. Онемевшая рука тормозила его, но он бежал дальше.

Кто-то вышел ему навстречу, двое людей. Патруль полиции! Он открыл рот, но не успел крикнуть. Искры затанцевали на тротуаре, в щелях гранитных плит. Световые иголки вонзились в ноги, икры моментально ослабли. Он повалился на землю, амортизируя падение здоровой рукой. Полицейские притормозили и с нескольких метров заинтересованно наблюдали за ситуацией. Он поднял на них удивленный взгляд, и тогда все понял: это не было нападением.

Возле его уха раздался топот тяжелых сапог. Один прижал его коленом к земле, другой выкрутил ему руки и застегнул наручники на запястьях. Три человека потянули его вверх – сам он не мог подняться.

– Гражданин Марек Реведа? – прогудел из шлема один из черных и, не ожидая ответа, продолжил: – Элиминатор номер Восемь Один. Именем мэра города Варшава мы задерживаем вас в превентивных целях. Ваши права будут озвучены после подтверждения легальности процедуры задержания.

Он бессильно водил взглядом от одного зеркального щитка к другому. Он уже знал, но нужен был еще один миг, чтобы поверить. Через час у него был назначен ужин, завтра у него встреча, у него незаконченный проект...

– Как?.. – только и смог он выдавить из себя. – Я же не... я ничего...

Он не успел больше ничего сказать, как ему на голову натянули мешок. Почувствовал, что его волочат, а бессильные ноги трутся носками обуви о тротуар. Как так? Он даже хотел купить кота, чтобы в доме бродило что-то живое. Он уже почти решился на черного, чтобы шерсть на ковре не бросалась в глаза. Нужно было машину помыть, купить Анке подарок. Столько всего нужно было сделать... Как же так?

За ним задвинулась дверь, и Ныса с шорохом электродвигателей неспешно двинулась по направлению к площади Трех Крестов. Цвет машины плавно поменялся с оранжевого на голубой, а на дверях появилась реклама сантехнических услуг.

* * *

Светящийся и ворчащий злобным тоном коммуникатор выдернул его из беспокойного сна просто в объятия похмелья. Он на ощупь потянулся к прикроватной тумбочке; попал только с третьего раза, и звук утих. Затем разлепил веки и посмотрел в потолок. Взгляд встретил пожелтевшую краску и кабель от люстры, на котором висела голая лампочка. Он все равно не пользовался верхним светом. Медленно сел и уставился в такую же пожелтевшую стену в двух метрах от него и загроможденные полки.

Он сполз с кровати, оперся рукой о стену и выглянул через грязное окно, выходящее на бетонный муравейник – такой же, в каком и он жил. Внизу люди, как муравьи. Не лучший вид для такого утра. Пошатнувшись, он ухватился за подоконник. Земля исчезала в перспективе так, что были видны только крыши Муранова, ближайшего к нему района. Варшава кружилась вокруг него. Стены комнаты тоже не складывались в плоскую поверхность. Двигались. Он едва удерживал равновесие.

«У меня же есть деньги, – подумал он, – я мог бы купить себе апартаменты на Жолибоже с террасой два на два метра и пальмой в горшочке». Терраса была бы кстати для подобного утра. Он прокручивал эту мысль в голове снова и снова, пока не пришел к тому же выводу, что и всегда, – его бы сразу вычислили и, помимо прочих, налоговая бы тоже села на хвост. А ему ни к чему привлекать лишнее внимание.

Он перевел взгляд на кухонный стол, втиснутый между раковиной и входными дверями. Бутерброды с паштетом, боже, вот что так воняет. Рядом с ними лежало мокрое полотенце. Кого он сюда привел? Ее? События прошедшего вечера и ночи оставались загадкой.

Он сглотнул от нахлынувшей тошноты.

В наполненной паром ванной, куда он пришел проблеваться в унитаз, пахло лавандовым мылом. Раздевшись, он сначала сунул голову под струю холодной воды, а после и сам встал под душ. Почувствовав небольшое облегчение после этого, он приготовил себе витаминно-ацетилсалициловый коктейль. Газированная жидкость неприятно обожгла горло. Он спрятал в холодильник бутерброды с паштетом и постарался сосредоточиться.

Сегодня полдня нужно провести с Марысей. Он видел ее раз в две недели и посвящал ей не больше нескольких часов. Плохая идея – столько пить вчера. Но до этого – быстрый взгляд на экран коммуникатора – встреча с клиентом, чье ТС пять минут назад прервало его ангельский сон. Только благодаря имеющимся деньгам он еще виделся с дочерью.

Он спустился на первый этаж и инстинктивно свернул к киоску в холле дома. Миновала неделя с его закрытия, а автомат с сигаретами так и не поставили. Что ж, значит купит по дороге.

* * *

Приедет – не приедет, приедет... Он вертел в пальцах портсигар. Черт с ним! Не приедет этот – будет другой. Допивая второй кофе, он поглядывал в окно на солнечный, оживленный тротуар. Может, клиент где-то там, третий раз проходит мимо кафе и мечется в сомнениях? Придет – не придет... Заказчик, смелый в анонимной сети, назначает сделку, но часто пасует перед личной встречей. Это, конечно, наивно, ведь анонимность в сети – иллюзия дилетантов. Захотят выследить – выследят любого. Секрет заключается в слиянии с окружающей серостью. По крайней мере, так должно казаться. Потертая мятая военная куртка, старые брюки и кепка – его способ мимикрии. Последнее, чтобы скрыть лицо от камер, размещенных обычно под потолком. Он выбрал место, невидимое ни для одной из них.

На столе лежал коммуникатор – плоский черный прямоугольник величиной с ладонь. Каждые несколько секунд он показывал время. Двенадцать сорок семь. Клиент опаздывает на семнадцать минут, такое тоже часто случается. В профессии нюхача нужно иметь терпение, хотя в случае Харпада оно было чертой приобретенной и не распространялось на другие сферы его жизни. С «другими сферами», к слову, было не очень. Ему под сорок, и деньги единственное, что у него было в достатке. Остальное – хаос. Камуфляж и общая непримечательность – теперь вынужденная мера, чтобы Надзор не обращал на него внимания. К сожалению, каждая попытка постоянной работы на полставки после месяца или двух заканчивалась скандалом с шефом. Никто не хочет иметь работника, который всегда все знает лучше. Отсутствие официальной работы было проблемой, но это лучший вариант маскировки для сохранения себя. Семейные дела выглядели...

– Вы – Харпад? – над столиком склонился невысокий старичок, похожий на крысу. Лысый череп, круглые очки и торчащие, слегка заостренные уши однозначно делали его похожим на грызуна. Мужчина даже дерматиновый портфель держал перед собой в худых согнутых пальцах так, как будто не мог определиться, хочет ли он им защищаться или же за ним спрятаться.

Харпад поставил на стол открытый дискретор и опустил в его мягкое плюшевое нутро свой коммуникатор. Жестом указал на стул напротив. Мужчина послушно сел на краешек сиденья, положил коммуникатор в коробочку и уставился в стол.

– У меня плохое предчувствие. Жена ко мне в последнее время плохо относится, – начал он тихим фальцетом. – Все хуже и хуже, честно говоря. На работе тоже безнадежно. Думаю, то, как ко мне относится начальник, тоже имеет значение... По вечерам я порой лежу в кровати и думаю, как его убить. Это только мысли, конечно. Я этого не сделаю. Как бы я смог?.. Вчера у меня случилась неприятная ситуация с соседом...

– Не нужно объяснять. – Харпад закрыл дискретор. Теперь коммуникаторы были акустически и электромагнитно изолированы. – Меня не интересуют ваши мотивы. Вы платите, я называю ПО.

– Так просто? – Крыса посмотрел на собеседника и тут же отвел взгляд.

Он начинал действовать Харпаду на нервы.

– Вы же за этим пришли?

– Да, да... – активно закивал мужчина и снова уставился в стол.

Харпад ждал следующий вопрос. Но его не последовало, поэтому он пояснил:

– Вы платите сейчас. Ответ получаете через пятнадцать минут.

– А если вы убежите с деньгами? – Крыса взволнованно посмотрел на него.

– Это будет означать, что вас обокрали, – спокойно ответил Харпад. – Но с тех пор как я в этом бизнесе, то есть каких-то двенадцать лет, я ни разу этого не сделал.

Череп Крысы заблестел от капелек пота, хотя в кафе было прохладно. Трясущимися руками он вынул из сумки серую коробочку из-под мятных конфет. Харпад больше не ждал. Взял ее, положил в карман, забрал свой коммуникатор из дискретора и вышел. Проверка ПО займет у него минуту, ну, может, две. Эти пятнадцать минут ему нужны были для верификации клиента. Если он был из полиции, его люди не могли упустить из виду пачку денег. Банкноты, неиспользуемые много лет в легальной торговле, были доминирующим платежным средством в местах, в которых Харпад регулярно бывал. Их делали из такого прочного материала, что они все еще были пригодны к использованию. Каждая транзакция должна регистрироваться и облагаться налогом. Но банкноты не для того используют, чтобы что-либо регистрировать.

Риск есть всегда, хотя сомнительно, что полиция выбрала бы такого неудачника для проведения своей операции. Харпад терпеть не мог таких типов.

Он миновал две арки, свернул в третью, которую заприметил с самого начала, прошел три дворики-колодца, в которых было светло благодаря солнцу, стоящему в зените, и оказался на

следующей параллельной улочке. Припаркованный в нескольких шагах Триумф мигнул диодом замка. Дверь отодвинулась от корпуса и заехала на крышу. Харпад уселся в кресло водителя, кнопкой закрыл дверь и затемнил стекла. Выдохнул. Холодный салон давал чувство безопасности, изолировал от раскаленного добела хаоса города. Въезд в старые районы дорого стоил, право на парковку тоже, но этот кусок личного пространства был ему необходим. Он включил глушилку, положил коробочку на кресло рядом. Из бардачка достал подручный сканер и провел им над коробочкой. Чисто – ни детонатора, ни жучка. Деньги даже не считал, просто кинул в бардачок. Он коснулся уплотнения за правым ухом. Нажал. Пикнуло. Закрыл глаза и глубже провалился в кресло.

Лица, фамилии и числа заполнили зеленое пространство. Он плыл, летел между ними, уже предчувствуя направление. Нужная запись как всегда притягивала его. Он отбрасывал маловажные данные, пока не достиг цели. Визуализация была простая: табличка с фото, именем, фамилией и пунктами ПО, отражающими тяжесть молота, зависшего над вспотевшей запуганной головой Крысы.

Он открыл глаза. Ничего не поменялось. Звуки снаружи сюда почти не проникали, а за затемненными, рассеивающими свет стеклами двигались размытые тени. Он вытащил из кармана куртки портсигар из нержавеющей стали с выгравированной надписью: «Для Павла, любви всей моей жизни». Резинка сжимала восемь сигарет. Клацнула зажигалка. Дым с запахом фиалок поднялся к потолку. Серые полосы сонно проплывали внутри авто. Козельский, а именно так звали Крысу, был в заднице. Его ПО приближался к ста. Оставалось меньше трех пунктов. Интуиция его не подвела. Такая соломинка безопасности – это уже финишная прямая. Само предоставление этой информации означало приговор.

С заднего сиденья на него смотрел мужчина с физиономией бульдога. Ладонь Харпада замерла на полпути к пепельнице. Интуицию явно переоценивают. Этот сукин сын сидел здесь с самого начала. Харпад не был дураком, потому не использовал дешевые трюки. Прежде чем он успел бы открыть дверь, незнакомец разрядил бы весь магазин ему в спину. Поэтому он вздохнул, чтобы успокоить сердцебиение, и спросил:

- Что нужно?
- Узнаешь, – голос прозвучал именно так, как выглядел его носитель. – Поехали.
- Куда?
- Поехали.

Было ли у него оружие? Все равно. Если кто-то может открыть модифицированный замок со сменным кодом, про пистолет его можно не спрашивать. Харпад коснулся контрольной панели. Стекла снова стали прозрачными, свет солнца наполнил салон. Через минуту они снова потемнели, адаптируясь к уровню освещения. Бортовой компьютер показал на лобовом стекле навигационную субпрограмму автопилота – трасса вела на Кабаты. Это тоже работа Бульдога. Харпад нажал «старт», позволяя автопилоту принять контроль над транспортом. Триумф подождал, пока между машинами появится просвет, и мягко влился в дорожное движение.

Кто хочет его убить? Клиенты, которые получили от него заниженное ПО, скорее всего, уже были не в состоянии предъявлять претензии. Тогда кто? Автомобиль проплыл по улицам центра, объехал правительственный квартал и помчал по Пулавской. Харпад боролся с собой, стараясь не задавать никаких вопросов, и сосредоточился на видах за окном. В нововозведенном финансовом районе на юге Мокотова бетонные скелеты небоскребов *Twin Stylus* приближались к восьмидесятому этажу. Нехилых размеров домик. Если здесь строили конструкцию такого веса, что-то похожее уже должны были возвести и на Ломянках.

Нет, так нельзя, подумал Харпад и взял управление на себя. Обычно он так поступал, когда хотел сохранить иллюзию контроля над ситуацией. Похищение – это такое дело, но встреча с полицией не входила в сферу его интересов. Он старался не перестраиваться из полосы в полосу слишком резко и не набирать скорость. Все влияло на показатель ПО.

– Через сто метров свернешь вправо.

Харпад послушно свернул. Здесь поверхность дороги не была самовыравнивающейся, машину немного трясло. Ему в голову лезли разные мысли, но он не собирался претворять их в жизнь. С самого начала он отбросил идею какого-либо физического сопротивления. Это его слабая сторона.

Дома и виллы стояли здесь окруженные лесом, а ведь они только что выехали с Кабат. Жилье здесь, должно быть, стоило целое состояние. Послушный приказам Бульдога, он несколько раз повернул, пока дорога не привела их к заброшенному ангару. Может, это старая фабрика, может, закрытая техстанция для автомобилей. Они заехали внутрь. Там в глубокой тени стоял большой черный Олдсмобиль. Харпад остановился в указанном месте.

– Вылезай.

Он тянул время, чувствуя, что сейчас станет еще хуже. Но альтернатив у него не было, и он открыл дверь. Под подошвами захрустел мелкий камень и осколки стекла. Если в этой части Варшавы царил жар, значит в Белянах сейчас ливень.

Теперь он увидел двоих мужчин, напоминающих горилл. Еще двоих, скорее всего, он просто не видит. Чрезмерная элегантность их костюмов контрастировала с отвратительностью декораций. Бульдог вышел из Триумфа и показал себя во всей красе или, точнее, ее отсутствии – толстый недомерок в сером плаще. Короткие вьющиеся волосы блестели, словно намазанные допотопным гелем для волос, хотя могли быть всего лишь жирными. Он оперся о Триумф, закурил сигарету и кивком головы показал Харпаду на черный лимузин. Один из горилл сказал что-то в устройство на запястье. Двери машины открылись, сумрак внутри салона был еще темнее. Нюхач сглотнул и двинулся в сторону черной дыры, стараясь не выглядеть напуганным. Не получилось – ноги едва его слушались. Он вдруг понял, что эти ребята думают о нем то же самое, что и он о Крысе. Они даже не проверили его – знали, что от него не будет проблем.

Прохладный салон лимузина пахнул идеально выделанной кожей, дорогим табаком и еще чем-то, что Харпад не распознал. Он опустился в глубокое кресло, и двери захлопнулись за спиной, оставляя его почти в полной темноте. Через мгновение он заметил дискретор в подлокотнике, положил в него коммуникатор и закрыл крышку, чтобы никто не мог подслушать разговор.

Он ждал, чувствуя, как у него ускоряется пульс. И вздрогнул, когда тишину прервал голос:

– Создаешь конкуренцию.

Это был голос, которому не нужно кричать, чтобы достичь своей цели. Харпад вытер потные ладони о брюки. Конкуренцию? Из того, что ему было известно, в Варшаве у него не было конкурентов. Было несколько обычных мошенников, которые не проверяли ПО, потому что не умели. Чтобы взломать базу g.A.I.a., нужно иметь вживленный чип, только так можно обмануть защиту. Локализация серверов g.A.I.a. хранилась в строгом секрете. Невозможно проникнуть туда с помощью обычного кабеля и скопировать данные.

– Если вы меня сюда притащили, то знаете, чем я занимаюсь, – он наконец решился ответить. – Значит, знаете также и то, что в этом городе у меня нет конкурентов.

– В Варшаве на нас работает больше ста нюхачей.

– У них нет доступа в базу данных g.A.I.a. Его нет даже у полиции, Надзора и Провокации. Это автономная система. Эти нюхачи не могут...

– Качество их услуг не очень нас интересует, – голос невидимого собеседника не терпел возражений. Волчий голос, принадлежащий хищнику. – Нам важна их преданность. Мы заботимся о своих друзьях. Чего тебе не хватает в жизни? Некого трахать? Получишь.

– Я не нуждаюсь в посредничестве в подобных вопросах. Хотите, чтобы я делился доходами? – он спросил о том, чего боялся уже давно.

– Твои сраные доходы нас не интересуют. Хреново, когда единственный настоящий нюхач работает на себя. Мы ожидаем от тебя чего-то другого.

Харпад задержал дыхание, вглядываясь в темноту.

– Чего же? – тихо спросил он.

– Тебе пора, – услышал он. – Сегодня забираешь Марысю.

* * *

Крыса, Бульдог, Волк. Люди – это животные. Харпад стоял перед серым зданием на Повисле¹, опираясь на капот Триумфа. Ему очень хотелось закурить. Несолнце пробивалось через Облако, которое с этой стороны было немного тоньше. Пот стекал по спине, и причиной тому была не только жара. Но он не снимал куртку, взглядом постоянно обращаясь к часам. Он вписал в коммуникатор просьбу назначить время визита в техсервис для смены замка в Триумфе, выбрал первый попавшийся из списка и подтвердил. «Климек – комплексные ремонты авто». У него не было сил проверять отзывы клиентов. Он знал, что делает это только для личного успокоения. Он также отправил два сообщения Крысе. Оба не дошли.

Есть! Черноволосая девочка выбежала вместе с другими детьми на школьный двор. Выйти могли только те, чьи опекуны, а точнее их ID-чипы, находились в радиусе действия сканера. Машин было немного. Большинство опекунов приходили пешком от ближайшей станции метро.

Марыся кинулась ему на шею. Он поднял ее на руки. Почувствовал, что она становится все тяжелее, а он все слабее. Неделя Харпада длилась четырнадцать дней, поэтому у него сегодня воскресенье.

– Поедем в зоопарк? – спросила она.

– Немного попозже. Сейчас мне нужно закрыть одно дельце.

– Ну пап... – этому жалостливому взгляду невозможно было сопротивляться.

Он вздохнул и посмотрел в сторону. Прошел час с того момента, как он вышел из кафе. Вероятность того, что Крыса все еще ждет его, стремилась к нулю. Наверняка он уже убежал в свою норку, чтобы скрутиться в клубочек от страха. Тем лучше. Он не имеет права втягивать дочь в свои дела. Крысу нужно будет найти и передать ему прискорбную информацию. Конкретику он предпочитал не высылать в текстовом сообщении. Но это может подождать. Марысю он видел раз в две недели.

– Поедем, – улыбнулся он, забрасывая ее ранец в машину. – Хочешь сидеть спереди?

У девочки загорелись глаза. Без лишних слов, как будто опасаясь, что папа передумает, она заскочила на переднее сиденье. Это, конечно же, нелегально. Она родилась в голубой год, то есть ей всего девять лет. Дети в этом возрасте должны ездить сзади в специальном самозатвердевающем под действием веса коконе. Однако через темные стекла, если автомобилем управлял автопилот, ничего не было видно, а по поводу уличных камер при выходе из машины можно не переживать. На уровне подсознания он знал, откуда и под каким углом на него смотрят. Такая уж профессия.

Как только машина тронулась по запланированному маршруту, запиликал коммуникатор. Харпад посмотрел на экран. Конечно же она. Уже напомнила, что время у него до пяти, и ни минутой больше. Его ждет еще несколько таких же сообщений, чтобы не забывал, насколько дерьмовая у него жизнь. Мать Марыси перестала за ним следить, но угроза обвинения в домогательствах к дочери до сих пор висела в воздухе. Год назад она написала напрямую, что он должен исчезнуть из ее жизни и жизни их дочери, иначе она сделает из него педофила, чудовище,

¹ Повисле – один из районов Варшавы.

монстра, использующего ребенка. Единственное, что останавливало эту стерву, – перспектива потерять неплохой доход. Он платил за Марысю в три раза больше, чем потребовал бы суд.

К счастью, из-за слишком маленькой емкости каналов беспроводной связи коммуникаторы не позволяли передавать голосовые сообщения. Только это удерживало его от высказывания всех накопившихся оскорблений. На совместное воспитание дочери им должно было хватать простых ТС – текстовых сообщений.

«Некого трахать». Волчий ублюдок хорошо его прощупал. Уже некоторое время он встречается кое с кем. Может, из этого что-то получится, может и нет. У него по спине бежали мурашки, когда он думал о влиянии Ренаты на его жизнь. Когда-то она была той единственной вечной любовью, а оказалась самой большой его ошибкой. Нестабильная психически, расчетливая сука, абсолютно лишенная сочувствия! Он впадал в панику, когда задавал себе вопрос, станет ли Марыся такой же. Нет и еще раз нет!

Он пришел в себя и перестал сжимать ладони на руле – его и так отключил автопилот.

– О чем ты думаешь, папа?

Он улыбнулся. Объяснять сейчас дочери тонкости уговора, который он заключил с ее матерью, было не лучшей идеей. Пусть у нее будет нормальное детство или хотя бы его остатки. Еще придет время столкнуться с правдой жизни.

– Мы едем в зоопарк посмотреть на зверей, – сказал он. – Например, на поросят.

Марыся прыснула со смеху. Она достала свой коммуникатор, естественно розовый – подарок на день рождения от Харпада.

– Я написала Юльке про поросят в зоопарке, – радостно сообщила она. – Хорошая шутка!

– Сможешь отправить ей фото. Я куплю тебе специальный билет.

– И сахарную вату? – уточнила девочка.

– Конечно. Двойную.

Они ехали по верхнему уровню Вислострады² в направлении Гданьского моста.

Коммуникатор снова запищал. Следующее сообщение: «Кофта Марии должна быть застегнута. Если она простудится, больше ты ее не увидишь». Он добился полдня раз в две недели с собственным ребенком. Надо было сказать, что в это время он предпочитает не помнить о существовании матери. Что за каждое чертово сообщение он будет урезать ей алименты. Сейчас у него не было сил на переговоры, единственное, на что он был способен, это не позволить спровоцировать себя на текстовую дискуссию о целесообразности застегивания кофты в такую жару. Он не ответил, и это вызвало новую серию сообщений. Харпад выключил звук на коммуникаторе и спрятал его в карман. Небольшое удовлетворение. Теперь она кипятится и выдумывает новые угрозы, которые, конечно же, не реализует – привычка к легким деньгам дает о себе знать.

Они пересекли Вислу и остановились на многоуровневой парковке.

– Готова? – улыбнулся он дочери.

Та энергично закивала. Они вышли из авто. Несолнце нашло щель в Облаке и пригревало в этом районе значительно сильнее.

– Сними кофту, будет жарко.

– Мама сказала не снимать.

«Потому что не она будет в ней париться», – эти слова так и просились наружу.

– Давай возьмем ее с собой, на случай если внезапно пойдет снег.

Девочка засмеялась, послушно сняла кофту и отдала папе. Снег падал раз в году, на три дня Рождества.

Харпад посмотрел в небо. Было непохоже, что пойдет дождь. Он с мстительным удовольствием удалил сообщения от бывшей, даже не читая. Тут же пришло следующее. Он задержал

² Вислострада – скоростная трасса в Варшаве вдоль Вислы.

палец над иконкой корзины. Это было сообщение не от Ренаты. Отправитель подписался как Вольф. Недавняя встреча в заброшенном ангаре сейчас казалась ему ночным кошмаром. К сожалению, этот кошмар приснится ему еще не раз. Он прочел сообщение и остановился в нескольких шагах от входа в парк. Марыся встала рядом и подняла на отца вопросительный взгляд.

Он получил первое задание. Харпад знал, что на самом деле должен радоваться, это означало, что мафия, подполье или кем там были эти ребята, собирались не убрать его, а трудоустроить. Что ж, свобода и так длилась слишком долго. Проблема состояла в том, что встреча с клиентом назначена меньше чем через час, на Урсусе. Это другой конец города, на границе Ломянков и Кабат.

Харпад посмотрел на дочку, которая почувствовала его напряжение. Одно из основных правил: не совмещать семейную жизнь с работой. Но отказаться он не мог. Сейчас он должен отвезти мелкую матери и мчать на Урсус. Только для него и Марыси это равносильно отмене Рождества. Интуиция уже однажды подвела его, но, несмотря на это, он был уверен: его тестируют. Если Вольф знал, что Харпад забирает сегодня дочь, то знал также и то, что вторая половина дня у него занята. Это был тест «Насколько можно управлять маленьким нюхачом».

– Плохие новости, папочка? – спросила она.

– Нет. – Он выдавил из себя улыбку. – Только неожиданные. Пойдем, может успеем, пока медведи не впали в зимнюю спячку.

Марыся засмеялась. Детям немного нужно для счастья. Они прошли портал, который автоматически списал нужную сумму с его счета. Он докупил право на фотографии.

– Ты купил мне билет на фото? – спросила девочка.

– Конечно. – Он погладил ее по голове. – Можешь весь свой аккаунт забросать поросятами.

Он посмотрел на экран коммуникатора.

– Ты тоже будешь делать фото? – спросила она.

– Нет, я отвечаю на сообщение.

– То неожиданное?

– Угу. Постараюсь ответить еще более неожиданно. Это такая игра.

Они остановились перед бассейном с гиппопотамами. Харпад написал: «Я на Праге³. Могу быть на Урсусе через три часа».

– Почти как поросята, правда? – сказал он, пряча коммуникатор в карман.

– Папа, ну ты что?! Это гиппопотамы. – Мелкая смеялась, делая все новые и новые фото.

Но ей быстро надоело. Они пошли к куполу юрского периода, где по скрипучему лесу прохаживались механические динозавры. Харпад не обращал внимания на искусственных животных, он смотрел только на дочь. В этом возрасте она очень быстро росла. Каждые две недели он замечал изменения. Следующее сообщение: «Ты можешь меня игнорировать, но помни о последствиях. Ты знаешь, что я имею в виду». И только спустя мгновение он понял, что это не от Вольфа. Какие последствия, тупая дура? Ты бы сдохла без моих денег. Он спрятал коммуникатор.

– Поросята-гиганты в панцирях, – сказал он.

Девочка снова прыснула смехом, но сразу же скривилась.

– Тут воняет.

– Это искусственный запах, – пояснил он. – Так, наверное, вонял весь мир. Когда в нем жили динозавры.

Он умолчал тот факт, что не только запах, но и сами животные были искусственными, и не только в куполе юрского периода, но и во всем зоопарке.

³ Прага – район Варшавы.

– купишь мне сахарную вату?

Они вышли на воздух. В зоопарке было немного людей. Среда. Харпад огляделся вокруг и заметил скользящего продавца ваты. Он оставил Марысю возле вольера с носорогами (рого-мордые поросята, как он их назвал), но прежде чем успел дойти до продавца, коммуникатор снова запиликал: «Клиент придет. 14:50 возле южных ворот. О деньгах не говори».

Он закрыл глаза и почувствовал, как силы покидают его. Он не должен вовлекать в это семью. Особенно Марысю.

– Слушаю вас, – продавец ваты равнодушно посмотрел на него.

– Мне самую большую вату, которую только сможете сделать.

Продавец удивился, но сумма банковского перевода, высветившаяся на кассе тележки, закрыла ему рот. Харпад вернулся к Марысе и триумфально вручил ей гигантское сахарное облако на двух палочках.

– Двухручная большая порция для большой девочки, – сказал он с улыбкой.

Мелкая вонзала зубки в вату и отрывала кусочки, вымазывая себе лакомством лицо и волосы. При этом не сводила подозрительного взгляда с отца. Она знала, что не все в порядке.

– Хочешь увидеть акул? – спросил он. – Это возле южных ворот.

Она кивнула. Спустя мгновение они остановились возле вольера с тиграми. Харпад не знал, как ускорить шаг.

– Смотри, поросята с вытянутыми мордами, – он показал на вольер со слонами.

Девочка почти что уронила вату.

– Это же слоны, папа! – Она остановилась возле ограждения. Ее внимание приковал маленький слоненок, играющийся с большой резиновой миской. Шкура на боку робота вытерлась, и с каждым движением открывалась длинная тридцатисантиметровая трещина.

Харпад незаметно посмотрел на экран коммуникатора. Тринадцать минут. Дойти до южных ворот – это десять. Останавливаться возле следующих вольеров он не мог.

– Знаешь что, у меня есть идея, – начал он. – Мы идем прямо в океанариум, а потом вернемся и посмотрим на других животных, хорошо?

Марыся кивнула, хотя и без энтузиазма. Он взял ее за руку и повел по аллейке, выложенной брусчаткой. Дочь шла теперь молча, задумчиво глядя на ворота в полукилометре от них. О чем она думала? О чем думает ребенок, впутанный в непонятные, нерешаемые проблемы взрослых? Почему мама и папа не вместе? Это выше ее понимания – ведь все могло быть так прекрасно, так нормально. Он наблюдал за ней, как она покорно шла, проявив терпение. Разбитая семья – это тоже несколько пунктов ПО. У него не хватало сил заставить себя проверить ее ПО. В то же время он знал, что теперь эта мысль не даст покоя, пока он этого не сделает.

Он отдавал себе отчет, что из-за долгого молчания он терял очки в ее внутреннем рейтинге, но не мог заговорить с ней во время пути. Что-то упорно сжимало ему горло.

Пятиэтажный павильон океанариума напоминал бункер. Аквариум глубиной двенадцать метров требовал солидной оболочки. Внутри царил темнота, освещаемая только голубыми отблесками меньших аквариумов.

– Подождешь меня здесь? – спросил он. – Мне нужно закончить одно дело.

– То неожиданное?

Харпад посмотрел на нее, сбитый с толку. Девятилетняя девочка понимала больше, чем он думал. Атмосфера их общего дня все больше портилась, но он еще мог это исправить.

– Да, но оно займет всего минутку. Не выходи отсюда, хорошо?

Она кивнула и повернулась к стеклу, за которым кружили акулы. Голубой отблеск осветил тонкие черты ее лица.

* * *

Он сразу узнал его. Элегантный сорокалетний мужчина отличался от других посетителей кафе, как орел среди куриц. Харпад подошел к столику.

– Я не мог приехать на Урсус, – сказал он вместо приветствия.

– Тем лучше, там идет дождь, – ответил клиент без претензии. – Для разнообразия посмотрю на животных, которые не делают вид, что они люди.

Не было рукопожатий. Заказали кофе. Харпад заметил, что находится в самом центре обзора камеры. Он уже не мог этого изменить. Нельзя работать в чужой фирме по своим правилам.

– Встреча всегда необходима? – спросил клиент.

– Я должен вас увидеть и немного узнать. Обычно достаточно пары слов.

Мужчина посмотрел на розовую кофточку в руке Харпада. Но ничего не сказал.

– Мне нужно пятнадцать минут, – сказал Харпад.

Клиент только кивнул и занялся своим коммуникатором.

Когда-то Харпад пытался работать на расстоянии, но ничего из этого не вышло. Без физического контакта он не мог найти человека в базе. Он знал, почему те мошенники Вольфа тоже виделись с клиентом – оценивали физическое состояние и говорили то, что он ожидал услышать. Псевдонюхачи были просто хорошими психологами.

Он вышел из кафе. Где сесть? Авто стояло почти в километре отсюда. Он огляделся. Немногочисленные лавочки вокруг были уже заняты. Он пошел вперед по узкой аллейке, едва справляясь с эмоциями. Слишком много всего навалилось. Он должен успокоиться и сосредоточиться. Наконец нашлась свободная скамейка возле маленького фонтана. Он сел, несколько раз глубоко вздохнул и закрыл глаза. Потянулся за ухо. В этот момент запиликал коммуникатор, и все, сосредоточенность как рукой сняло. Следующее сообщение от Ренаты – сразу в корзину, не читая. Пришлось заново собираться с мыслями. Он вышел из кафе пять минут назад, значит, Марыся уже десять минут была одна. Нужно действовать быстрее!

К фонтану подбежал мальчик, начал брызгаться и кричать что-то на своем языке. Из-за куста жасмина показалась мама с ребенком. Хватит! Он встал и пошел дальше по аллейке быстрым шагом. А что если он не сможет прочитать ПО? Никогда раньше этого не было, но... всегда есть тот самый первый раз. Выдуманный результат – плохое решение. Он только что нарушил два важных правила – этого было достаточно. Нет, ему нельзя все испортить. Только не тестовое задание.

Кафе с мороженым, внутри рахитичные столики. Ничего не выйдет. Присел на парапет возле вольера с обезьянами. Рядом никого, можно попробовать. Он устроился в самой удобной позе и закрыл глаза. Позже он выдвинет ультиматум: если должен работать на Вольфа, тот обязан принять его правила работы. Спокойно... спокойно... Он коснулся пальцем уплотнения за ухом. Щелкнуло.

– Что с вами?

Харпад открыл глаза, вырванный из транса. Кто-то тряс его за плечо.

– С вами все в порядке, мужчина? – охранник присматривался к нему.

– Кажется, я заснул, – ответил он, вставая.

Надо уйти, пока не посыпались следующие вопросы.

«Мне холодно», – сообщение от Марыси. Его взгляд упал на розовую кофточку в руке. Дочь была предоставлена сама себе уже пятнадцать минут.

Он вернулся в океанариум. Бегал среди акул, мурен и пираний, пока не нашел ее в углу, возле стекла. По ту сторону распластался коричневый осьминог.

– Надень это. Прости, я забыл, что здесь холодно.

- Я хочу домой, – сказала она печально.
- Еще пять минут, – попросил он. – Потом поищем поросят.
- Она пожала плечами, осьминог за стеклом пошевелил щупальцем.
- В зоопарке нет поросят.
- Есть, вот увидишь.
- Выдумываешь...
- На что спорим?
- На пять злотевро.
- Не на деньги. Может, на то, кто выбирает фильм через две недели?

Она активно закивала.

- Выдержи еще минутку. Я быстро закончу это неожиданное дело и вернусь. Хорошо?

Она снова закивала.

– Не люблю неожиданные дела, – сказала она и ушла к аквариуму с тропическими рыбами.

Спор он уже проиграл, в зоопарке, конечно же, не было поросят, но это неважно. Будучи пессимистом, он любил проигрывать споры. Он быстро направился туда, где минута спокойствия была гарантирована.

Туалеты были такие же мрачные, как и остальные помещения в здании. Здесь царила абсолютная тишина, выходит, в кабинках никого нет. Он закрылся в первой попавшейся, уселся на закрытую крышку унитаза и прислонился к стене. Выключил коммуникатор. По-другому не выйдет. А теперь спокойно... Расслабиться. Спокойно... Внезапно из соседней кабинки послышалась возня и соответствующие звуки – кто-то воевал с собственным организмом. Да что за день сегодня? Как ни странно, это помогло Харпаду сосредоточиться. Он прикрыл глаза, выдохнул, нажал на уплотнение за ухом, и бионический переключатель пикнул.

Он погрузился в зеленые внутренности баз данных Потенциальных Опасностей. Никакого приветственного экрана, никакой страницы входа, никаких пользователей. Он был единственным, кто по собственному желанию информировал остальной мир о величине базы данных ПО. Проникнуть сюда можно было только через специальный барьер. Знакомые ощущения: легкий полет через зеленое пространство, наполненное лицами, цифрами, именами. Неопознанный паразит в теле g.A.I.a.

Он напал на след. Станным образом искомый объект всегда сам притягивал его. Об ошибке не могло быть и речи. Он плыл, летел все дальше и дальше в мире абстракции, без вертикалей и горизонталей. Сейчас, приближаясь к нужной записи, он почувствовал, что что-то не так. Пространство вокруг наполнилось красным. Он разорвал соединение и открыл глаза. Одежда намочила от пота и неприятно липла к телу. Сердце колотилось неимоверно, дыхание сбилось. Сто двенадцать! Он был уже по ту сторону. Это означает, что за ним следили, его испытывали Провокаторы. И именно тогда, когда Харпад был здесь с дочерью.

Спокойно. Провокация – не полиция, они не смотрят на связи подозреваемого, их интересует только его профиль. Можно, однако, предположить, что у g.A.I.a. есть какая-то система безопасности на такой случай. Что делать? Можно дать фальшивые данные, тогда система поймет, что имеет дело с очередным мошенником. Нет угрозы – нет реакции. Давай-давай... думай! Какая угроза? Система не может подозревать о существовании настоящего нюхача. Незачем создавать систему безопасности от настолько нереальной угрозы. Пункты ПО хранятся в контекстной памяти ИИ, которая в случае записи выглядела бы как исповедь безумца. Это не обычная база данных, которую можно скачать откуда-то в виде таблицы. Это информационное болото, за которым не нужно особо следить. Ситуация похожа на ту, где ресторан не опасается кражи соли, растворенной в супе.

Если он вернется сейчас к заказчику и скажет о своем открытии, полоса рисков потянется за ним, как кровавый след за раненым оленем. След. Он должен сейчас же скрыться на

несколько дней в неочевидном месте и заняться чем-то нейтральным, что не привлечет внимание Надзора. Но он не мог этого сделать, и даже не потому, что где-то за стеной его ждала дочь.

Уехать из Варшавы было невозможно.

Если он не вернется сейчас к клиенту – разозлит Вольфа. Если вернется – навлечет беду на Марысю. А задираясь с Вольфом, он и так рискует Марысей. Нет хороших решений. Он вздохнул, спустил воду и решительным шагом вышел из туалета.

Он почти бежал и притормозил только перед входом в кафе. Клиент все еще сидел там, спокойно просматривая что-то на экране коммуникатора. Сейчас это спокойствие исчезнет.

– Вы потеряли кофту, – сказал он, когда Харпад сел напротив. – Розовую.

Харпад покачал головой, не вникая. Он думал, как сообщить эту новость-приговор.

– Я проверил ваш ПО.

– Вы вспотели. Это так сложно?

– Порой. – Он посмотрел клиенту в глаза. – Ваш результат: сто двенадцать.

У Надзора, конечно, были уши и глаза везде, и это было очень неудобно. Не страшно, если чей-то результат был ниже ста пунктов. Однако после пересечения этого порога за человека принимались Провокаторы, и жизнь становилась прогулкой по минному полю. Дальше была только Элиминация. Харпад не знал, при какой величине человек исчезает. Может, после ста пятидесяти или ста двадцати. А может, после сотни пункты уже не имеют смысла...

Нюхач ждал, пока до клиента дойдет смысл сказанного. Однако мужчина всего лишь кивнул, как будто услышал, что вечером может пойти дождь. Еще раз кивнул в благодарность, спрятал коммуникатор и вышел. Вот так просто. Харпад удивился. Он явно чего-то не понимал, но сейчас у него не было времени об этом думать.

К океанариуму он бежал. Марыся сидела на стульчике под стеной и смотрела на него с обидой. Молчала. Он опустился перед ней на колени. Старался скрыть сбитое дыхание.

– Я уже решил свое неожиданное дело. Теперь мое время только для тебя.

Она поерзала на стульчике.

– Покажешь мне поросят?

Поросята!

– Ну конечно, пойдем, – он взял ее за руку. – Хочешь что-нибудь попить?

Она покачала головой.

– Мама прислала три сообщения, пока я ждала в океанариуме, – сказала Марыся. – За что она на тебя злится?

За то, что я есть.

– Она просто волнуется, когда тебя нет рядом.

– Может, возьмем ее в кино через две недели?

– Это, наверное, не очень хорошая идея.

– Вы бы сразу поругались.

Скорее, подрались.

Они молча проходили мимо вольеров. Сто двенадцать пунктов... Он никогда не встречал людей с таким показателем. Тем более того, кто свободно передвигался по городу. И уж точно не того, кто так спокойно реагирует на информацию о своем ПО.

– В зоопарке нет поросят, правда? – спросила она тихо.

– Есть, – улыбнулся он. – Живут вот здесь, прямо за углом.

Она недоверчиво покачала головой, но уже через минуту удивленно разглядывала животных, упираясь подбородком в ограждение.

– Это бородавочки, – пояснил Харпад. – Самые свинские свиньи в этом зоопарке. Они постоянно ходят грязные, как поросята. Вечером принимают душ, а с утра, перед тем как выпустить их в вольер, смотрители зоопарка вымазывают их заново.

Марыся рассмеялась и обняла его.

– Папа, ты выиграл. Ты выбираешь фильм через две недели.

II

Коммуникатор заиграл мелодию, которую она ненавидела. Мелодию, означавшую то, что она ненавидела еще сильнее. На этот раз сообщение: «Маршалковская, 72. Брошка. 30 минут». Нет возможности отказаться. Она отодвинула тарелку с едва тронутыми спагетти, вытерла рот салфеткой и встала. Тридцать минут – это немного, а опоздание дорого стоит. Быстро обулась: надела не красные шпильки, которые так любила, а простые балетки без каблука. В них легче добежать, если окажется, что полчаса будет недостаточно. Кинула в сумку зонт и кофту. Сейчас жарко, но через полчаса может начаться ливень. Прогноз предсказывал погоду даже не на час, а всего на пару минут.

Нашупала в сумке брошку – хорошо сделанная, она казалась старой и ценной. Женщина сбегала по ступенькам вниз и оказалась в объятьях полудня – жаркого многоголосого городского. Триста метров до остановки преодолела за минуту. Теперь она не спешила – вживалась в роль, хотя лучше всего не играть, а вести себя естественно. Но это ей не удавалось.

Всего три остановки на автобусе, потом еще одна на метро. Кажется так близко, но, когда подъехал автобус, от тридцати минут оставалось двадцать. Волнение нарастало. Она не знала, что будет за невыполненное задание. Может, и ничего. До этого момента проверять не доводилось. Не обращая внимания на людей в автобусе, она сосредоточилась на задании. В голове клубились разные мысли, но над ними доминировал страх неудачи.

Она едва не проехала свою остановку. В последнюю секунду выскочила на тротуар и почти побежала в сторону метро. Тут же заставив себя замедлить шаг, она пыталась совладать с биением сердца, но безрезультатно. Она спустилась по лестнице и коснулась панели возле пропускной. Вшитый в тело ID-чип связался с порталом станции метро. С ее счета сняли ползлотевро.

Линий метро было три: две под левым берегом Вислы и одна под правым. Все на оси север-юг. Поезда ездили петлей на каждой линии. На центральной линии, в поезд которой она сейчас садилась, не нужно было поворачивать на Кабатах: намного дешевле оказалось выкопать двухкилометровый туннель до Урсуса, откуда через Люмянки можно доехать до Млочины. Новые районы между Кабатами и Урсусом настояли на создании двух дополнительных станций. Линия восток-запад оказалась не нужна: Варшава была всего шесть километров в ширину. Хватало автобусов и трамваев. Метро было хребтом всей системы, линии наземного транспорта отходили от станций как ребра змеи.

Когда она снова вышла на воздух, погода изменилась. Ветер гнал массы охлажденного воздуха по Маршалковской. Оставалось пять минут, этого достаточно, чтобы взять себя в руки. Или наоборот, разнервничаться еще больше. Она выбрала ближайшее к нужному дому кафе и села за столик возле выхода. Заказала кофе и пончик с розовым повидлом. Заплатила сразу – этого требовала процедура. Успела сделать глоток, как телефон снова отозвался ненавистной мелодией, присвоенной этому контакту.

«30 секунд».

На автомате встала из-за стола, вышла на улицу и прошла тридцать метров, отделяющих ее от дома номер 72. Она потянулась к карману за брошкой. Подушечками пальцев погладила металл с жемчугом. Это была красивая вещь, ей нравилась. Она сама хотела бы иметь нечто подобное, но не могла себе позволить. Нужно вести себя естественно. Не бросаться в глаза – это самое важное. Этого требует процедура. Однако чем больше она старалась, тем сильнее ее охватывало чувство, что все на нее смотрят, что все все знают.

Арка. Еще пять метров, три... вот. Она естественным движением уронила брошку вдоль бедра. Украшение упало там, где должно было, никуда не покатилося, жемчужиной вверх. Да,

отработанное до мелочей движение. Многочисленные тренировки дома не прошли даром. Операция с брошкой была одной из самых простых.

Услышала, как открываются двери в глубине арки. Получилось. Выдохнула. Это же так просто. Теперь достаточно, чтобы объект поднял брошку.

Рената ушла не оглядываясь.

* * *

Машина рядом вдруг съехала на их полосу. Прежде чем Харпад успел отреагировать, включилась противоаварийная система, но экстренное торможение не спасло их. Тишину прервал скрежет композитных оболочек. Выстрелили пенно-гелевые защитные элементы, и все замерло.

Харпад увидел собственные ладони, сжимающие руль. Стекла открылись, а вентиляция шумела на высоких оборотах, выдувая изнутри дезинтегрирующий гель-пену. Слух возвращался, и в этот момент он обратил внимание на плач Марыси. Харпад отстегнул ремень и наклонился к ребенку, потрогал ее руки и ноги, посмотрел в перепуганное лицо. На первый взгляд все было в порядке, никаких травм. Он пожалел, что не посадил ее в кокон сзади.

– Все хорошо, малыш, – сказал он, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – Это просто столкновение. Нужно будет немного подождать.

Информация об аварии сразу попадала в центр управления транспортом, но, до того как будут проинформированы компьютеры всех транспортных средств вокруг, лучше было подождать внутри. Наконец, машины на соседних полосах притормозили и остановились. Движение замерло. Харпад открыл дверь, помог девочке выйти и, держа ее за руку, обошел автомобиль вокруг. Нужно оценить нанесенный ущерб. Обе машины были немного поцарапаны и побиты, в нескольких местах разорвало композит. Тут показался виновник аварии – хорошо сложенный мужчина, чей вид как будто бы говорил, что с ним такое случается регулярно. Бок его машины был весь разбит.

– Вы даже не извинитесь? – пробурчал нюхач.

– Я ехал на автопилоте, – мужчина явно не чувствовал себя виноватым.

Из окон машин, окружавших аварию, выглядывали недовольные люди: бизнесмены, опаздывающие на встречи, матери с орущими детьми, нетерпеливые курьеры, у которых сдвинулся план доставок. Теперь им всем придется ждать отмены предупреждения – улица до самого горизонта была заблокирована. Далее сама собой рождалась сеть объездов.

Харпад проигнорировал все это и присел на корточки возле Марыси.

– Ничего не случилось, видишь? – он показал на машины. – Все даже к лучшему, мне заплатят за ремонт. Родная, помни, это важно: если какой-то психолог будет спрашивать, ты думала, что это просто игра.

– Чтобы мне не подняли ПО?

Харпад сглотнул. Она понимала больше, чем могло показаться. Он поцеловал ее в волосы и встал.

– Если ничего не случилось... – Он обернулся к мужчине, но сзади уже раздался сигнал полиции. Он опустил голову. Еще мгновение назад была надежда, что этого можно избежать. Обычно так и происходило, хватало только сервисных авто. Обе машины могли ехать дальше, если бы не блокировка компьютеров.

На аварийной полосе остановился серебряный Тарпан с высоким клиренсом и бампером, который напоминал энергопоглощающую панель. Двери открылись, наружу вышел полицейский в комбинезоне, каске с затемненным зеркальным щитком и со знаком Сирены на груди. Он отсалютовал, назвал свой номер и спросил:

– Пострадавшие есть?

Харпад покачал головой.

– Пожалуйста, словами, – потребовал полицейский.

– Я – нормально. Там, – он показал на вторую машину, – не знаю.

– Тогда почему вы отрицали, если у вас не было данных?

Харпад напрягся. Связываться с полицией всегда рискованно, но они тоже люди, даже если скрыты за анонимностью униформы.

– Я не сделал ничего противозаконного, – сказал он. – И был бы весьма благодарен за быстрое урегулирование дела. Эта ситуация мне неприятна.

Полицейский уже что-то искал в экране коммуникатора, размещенного на запястье.

– Вы поедете с нами, – заявил он неожиданно. – Пожалуйста, займите место в транспорте.

Двери в задней части полицейского Тарпана открылись, и показались кресла, повернутые спинкой к стене. Наружу выпрыгнул второй полицейский.

– Я не нарушил закон, – ошарашенно повторил нюхач.

– Мы должны прояснить вопросы, касающиеся программного обеспечения противоаварийной системы.

– Со мной девятилетний ребенок...

– Садитесь, – повторил требовательно полицейский. – Ребенком займемся мы.

По аварийной полосе к ним медленно приближался второй Тарпан, уже без сирены.

– Полицейские отвезут тебя к маме, – Харпад обнял дочь. – Они хотят выяснить причину столкновения, и я должен поехать с ними. – Потом он прошептал: – Помни, что я говорил про игру...

Девочка посмотрела в зеркальные щитки шлемов. В их отражении она казалась еще меньше. Марыся медленно кивнула, но маленький ротик искривился. Харпад почувствовал, как его сердце замирает. По настоянию второго полицейского он сел в Тарпан. Прежде чем закрылись двери, он посмотрел на дочь. Она стояла возле разбитой машины и плакала.

* * *

Стеклянные двери камеры со скрежетом открылись. Вырванный из нервного полусна, он тут же поднялся на ноги. Охранник в зеркальном шлеме указал ему на двери в конце коридора. Нюхач пошел вдоль серой стены, слыша за спиной его шаги. Они прошли мимо одних дверей, вторых. Третьи были открыты. Охранник схватил его за локоть и толкнул внутрь.

– О каких проблемах с программным обеспечением идет речь?! – рявкнул Харпад. – Этим занимается автосервис.

Вместо ответа – звук захлопнувшейся двери. Он оказался в сером помещении три на три метра. Посредине стоял стол с закругленными углами и два стула, половину одной из стен занимало зеркало, точно венецианское. Из ламп, скрытых в щелях потолка, падал тусклый свет. Не успел он сесть, как двери снова открылись. Вошла полицейская – комбинезон не смог скрыть анатомические особенности. Жестом она указала ему на стул, зеркальный шлем качнулся. Она подождала, пока Харпад сядет, и сделала то же самое.

– Я жду пять часов, – начал он. – Без связи с миром.

– Мне жаль. Способ сопровождения вас сюда от нас не зависит.

– То есть речь идет не о программном обеспечении, – он старался не показывать волнение. Мысленно повторял, что полиция не занимается делами Надзора. – Тогда в чем дело? Зачем вы продержали меня столько времени за решеткой?

– У нас есть к вам просьба.

– В таком случае вы чертовски плохо начали, ребята, – он пытался казаться крутым. – Я расстался с женой. Она разрешила мне видеться с дочерью раз в две недели, и сегодня была одна из этих встреч. Вы думаете, она обрадовалась, когда ребенка привезла полиция?

– Сотрудничество с нами, безусловно, поможет вам во время предполагаемого рассмотрения дела в суде.

– Да, это будет просто великолепно! – он встал и стал ходить взад-вперед вдоль стены. – Отца заперли в камере за неисправность противоаварийной системы, при этом он чуть не убил собственную дочь, а теперь хочет получить над ней опеку. Суд точно будет в восторге! К тому же он и так автоматически предоставляет матери опеку над ребенком, не так ли?

Полицейская спокойно ждала, пока он остановится, и парировала его тираду одной фразой:

– Ребенок ехал спереди.

Харпад поджал губы.

– Ну так выпишите мне штраф.

– Сядьте, – она указала на стул. Он неохотно подчинился. – Если вам не нравится слово «просьба», могу заменить его на «предложение». Мы знаем, чем вы занимаетесь.

– Я уже месяц как безработный.

– Я имею в виду то, чем вы действительно занимаетесь. На протяжении десяти лет. Вы считаете показатель Потенциальной Опасности из базы данных g.A.I.a.

– Это не незаконно. Настолько же легально, насколько ясновидение, лозоискательство и сраная хиромантия!

– Прошу не выражаться. Это не незаконно, если выставляются счета и платятся налоги. Вы можете доказать, что получили эти деньги законно? Каким образом вы оплачиваете абонемент на машину?

– Вам не хватает людей, – Харпад нахмурился, – поэтому передо мной сидит злой и добрый полицейский в одном лице. К чему этот разговор?

– Это конфиденциально. Разговор останется между нами.

Харпад посмотрел в сторону. В углу под потолком была маленькая черная кнопка. Камера. Одна из камер. Разумеется, передача изображения шла напрямую в сеть g.A.I.a.

Полицейская проследила за его взглядом.

– Сломана.

– Неужели?

Она пожала плечами.

– Мы подготовились, господин Харповский. То, о чем мы будем сейчас с вами говорить, должно остаться между нами.

– Нами?

Полицейская подняла руки к шлему. На мгновение заколебалась, но все-таки сняла его. Каштановые волосы рассыпались по плечам. Она была симпатичная, даже очень – симметричное лицо, зеленые глаза, слегка вздернутый нос. Ей было не больше тридцати. Он вытащил из кармана портсигар и зажигалку. Заметил, что не хватает перочинного ножика – его забрали вместе с коммуникатором.

– Тут можно курить?

– Нет.

Он прикурил и с удовольствием затянулся фиалковым дымом. Хотя на самом деле ему не так уж и хотелось курить. Выждал минуту.

– Я весь внимание.

– Ничего противозаконного, – заверила она его. – Так что с этим проблем не будет.

Именно с этим и будут проблемы, подумал он. Это как заглянуть в собственную задницу. Ни одна статья не запрещает этого, но все равно не получается. Или никто этого не пережил, чтобы рассказать, как все было.

– И ничего не попадет в дело?

– Нет никакого дела. Не останется никаких следов нашего сотрудничества.

– Тогда как мне это поможет в суде?

– Не все решается... по официальным каналам. Полиция сотрудничает с судами.

– То есть узнает кто-то еще.

Она посмотрела на него без профессионального превосходства, не зная, что ответить.

– Если у вас есть ко мне какое-то предложение, то сначала прекратите врать. – Он продолжал играть в крутого, хотя давалось это все тяжелее. – Или, по крайней мере, врите, но хорошо.

– Вы что-то слишком уверенно себя чувствуете, – заметила полицейская. – Мы можем держать вас тут двое суток. Этого времени хватит, чтобы получить ордер и осмотреть вашу квартиру. Тогда вам явно будет не до подобных ответов.

– И вырастет мой УС.

– УС?

– Уровень стервозности. Со мной будет намного труднее договориться. Вы и так уже испортили то, что для меня важно. – Он замолчал, чтобы не сказать «очень важно».

Харпад посмотрел на венецианское зеркало напротив дверей. Похоже, он им действительно нужен, иначе зачем весь этот спектакль. Это осознание давало ему преимущество в переговорах.

– Мне действительно жаль. – Полицейская смотрела на него таким взглядом, словно и правда так было. – Это полиция, а не спецслужбы. Мы работаем по-другому. Предложение, которое мы хотим вам сделать, требует сохранения секретности.

– Допустим, я готов рассмотреть это предложение. Конечно же, в обмен на гарантии спокойного существования, с сохранением моего нынешнего образа жизни. Я хочу видеться с дочерью. Но сначала я должен знать, в чем дело.

Она кивнула.

– Вы познакомитесь с одним человеком. Он расскажет вам столько, сколько вам стоит знать, чтобы дать согласие на сотрудничество.

– Хорошо. – Он развел руками. – У меня есть время. Я никуда не тороплюсь.

– Он... не может прийти сюда.

– О, так мне не придется провести в камере еще сорок три часа? – спросил он. – О'кей, и где он?

– В тюрьме.

* * *

Они ехали по городу маленькой, немаркированной Симкой⁴. Машину вел автопилот, который полицейская включила сразу же, как они выехали. Девушка сменила одежду на гражданскую: обтягивающие белые брюки, белая водолазка и короткая коричневая куртка из синтетической кожи. Она молчала; Харпад чувствовал ее напряжение.

– Было бы легче разговаривать, если бы я знал ваше имя, – сказал он, нарушая тишину.

– Но мы не разговариваем.

Ну да. Он достал сигарету. Передумал и посмотрел в окно. Приближался вечер. Несолнце, стоящее в зените, тускло. Симка сбавила скорость и влилась в пробку на мосту Грота. Теперь их обгоняли даже велосипедисты, ехавшие по пешеходной дорожке, выступающей на несколько метров за край моста. Они бы сэкономили двадцать минут, если бы не очередной ремонт Северного моста. Стресс постепенно отступал, уступая место сонливости. В

⁴ *Simca* – французская автомобильная компания SIMCA («Societe Industrielle de Mechanique et Carrosserie Automobile») с 1928 года выпускала автомобили Simca-Fiat.

таком темпе они доберутся до Бялоленки⁵ через час. Он закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, положив голову на подголовник. Шум кондиционера и десятка машин вокруг потихоньку стихал. Вместо сна пришел транс. Это иногда случалось, как будто мозг дал неточную команду. Харпад не прерывал транс, предпочитая подождать, пока он постепенно перейдет в сон. Это было даже приятно – как лежание в гамаке, как состояние невесомости. Ему снилась полицейская в кресле рядом.

Он проснулся от толчка. Рассеянно огляделся вокруг, припоминая минувшие события. Небольшая Симка, типично городской транспорт, плохо переносила неровности дорожного покрытия. Они миновали жилые дома Нового Бродна, остатки старого леса, окруженного горами нелегальных мусорных свалок и несколькими десятками подозрительных мастерских. Они свернули на длинную аллею, в конце которой находились тюремные ворота. Девушка переписывалась по коммуникатору.

Автопилот остановил машину в пятидесяти метрах от ворот, на островке с автоматом для пропусков, и опустил окно. Из автомата высунулся шар, размером с кулак, на эластичной трубке и заглянул внутрь салона. Он замер перед лицом девушки, затем перед Харпадом. Сканирование ID-чипа. Далее шар обследовал салон и вернулся в автомат. Блокировку сняли, и автопилот направил машину к воротам. Тяжелые створки начали раздвигаться.

– Никогда не был в тюрьме, – сказал нюхач.

Юдита посмотрела на него с выражением, говорившим, что это еще может измениться. Харпаду стало не по себе. Откуда он знает ее имя?! Ведь она не представлялась... Или все-таки успела сказать? У него не было времени поразмыслить – автомобиль уже заехал на небольшую парковку.

Ворота с грохотом закрылись. Электрические затворы задвинулись, и погасли предупреждающие оранжевые огоньки, до этого непрерывно мигавшие. От внешнего мира их отделяла сейчас восьмиметровая стена с автоматической снайперской системой. Платформы для охранников были пусты. Главная аллея шла прямо до самого горизонта, где виднелось черное сияние. Там начинался Барьер, так что стена была совершенно ненужной.

Несолнце едва светило из-за Облака, придавая ему вид клубка ваты со спрятанной внутри красной лампочкой.

– Вы идете?

Он повернулся. Юдита стояла у входа для посетителей и держала ладонь на сканере стеклянных дверей. Они вошли в просторный холл с бетонными, нештукатуренными стенами. Невольный брутализм архитектуры. Они остановились перед толстой светящейся линией, нарисованной на полу в метре от турникета из бронированного стекла. Снова сканирование сетчатки. Стеклянный турникет открылся. Только когда они вошли, появился первый человек. Охранник предпенсионного возраста кивнул им и повел по лабиринту однотипных коридоров и стеклянных турникетов.

Их целью было помещение без окон, мало напоминающее комнату свиданий. Два на три метра, голые стены и несколько предметов, которые, за неимением лучшего, можно использовать как оружие – три стула, стол с пустой жестяной вазой, кровать и умывальник.

– Эти камеры тоже сломаны? – Харпад указал на едва заметные на бетоне кнопки.

– Это «слезная комната», – пояснила девушка. – Заключенные тут встречаются со своими женами. Если хорошо себя ведут, встречи назначают чаще. А наш собеседник очень хорошо себя ведет.

– Может, мне тогда лучше подождать в коридоре?

– Это единственное место в тюрьме, где можно разговаривать без регистрации, – ответила она, внезапно выпрямившись.

⁵ Бялоленка – район Варшавы, расположенный в северной части города.

Как палку проглотила, мелькнуло в голове Харпада.

Двери с тихим шипением раздвинулись, и в комнату зашел мужчина. Никакой. На улице на такого типа никогда не обратишь внимание. Человек лет пятидесяти с мышинными волосами, заурядным лицом и слегка округлившимся животиком. Оранжевая тюремная униформа напоминала кроем дешевый костюм. Выделиться из общей массы ему помогли только очки в устаревшей оправе и внимательный взгляд, которым он одарил посетителей.

Юдита подбежала и обняла его. Харпад удивился, но старался сохранять невозмутимость.

Мужчина высвободился из объятий девушки и протянул руку нюхачу.

– Талинский.

– Харповский. Называйте меня Харпад.

– Садитесь.

Талинский пристально оглядел нюхача и положил на стол разукрашенный дискретор. Лишь когда три коммуникатора оказались внутри, он сказал:

– Это вы должны нам помогать? Не вижу даже капли энтузиазма.

– Потому что его нет, – Харпад развел руками. – Сначала я должен узнать подробности. Например, что мы делаем в тюрьме?

– Это не секрет, – Талинский улыбнулся. – Когда мой ПО перескочил за сотню, я сделал все, чтобы попасть сюда. Нет, я не пользовался ничьими услугами, чтобы определить его показатель. Просто в один день я начал замечать странные вещи, и тут же понял, что началась Провокация. В первый раз что-то меня задело, когда я увидел лежащую на тротуаре брошку. Она выглядела старой, еще до Перемен, значит ценная. Если бы я за ней наклонился, получил бы полпункта, если бы спрятал в карман – целый пункт. Конечно, это только аппроксимация. Я притворился, что не вижу ее. Через несколько часов в кафе я был свидетелем карманной кражи. Я сообщил в полицию. В тот же день вечером в паре метров от меня трое бандитов напали на женщину. У них были ножи. Я позвонил в полицию, но не стал ей помогать – подобный шаг стоил мне пяти пунктов. Я был уверен, что это результат деятельности Провокации или политического оппонента. Сдать большинство тестов не составило труда, потому что я знал, как все работает. Я избегал мест, где можно было инсценировать ситуацию, с которой я бы не справился, как с нападением бандитов. Но этого было недостаточно, я чувствовал, как затягивается петля. Это длилось, пока однажды передо мной не встал выбор: совесть или закон. Однако вместо выбора я сел в машину, отключил автопилот, систему безопасности и превысил скорость на тридцать три контрольных пункта. Такое нарушение стоило мне года тюрьмы. Лазейка в системе требует точности и весьма затратна для тех, кто к ней прибегает. Несмотря на то что я здесь, я сохранил жизнь и получил год, чтобы спокойно все обдумать. Тут все понятно, поэтому легче соблюдать правила и гасить ПО. Провокации сюда нет доступа.

– Если вы знали, что это началось, то могли бы воспользоваться любой инструкцией воспрепятствования. Они доступны в Сети.

– Это не поможет, если g.A.I.a. за кого-то взялась.

– g.A.I.a. не может взяться.

– Вы – идеалист. Или наивный. Я здесь делаю все, что от меня ждут, и никто надо мной не издевается. Образцовое перевоспитание. Провокаторы, как я уже сказал, сюда не сунутся. У меня нет возможности получить травму, поэтому согласно всем известным схемам текущее значение ПО должно ежедневно уменьшаться на полпроцента. Легко посчитать, это дает мне каких-то семьдесят пунктов, как у невоспитанного подростка. Вы можете меня сейчас проверить?

– Это стоит десять тысяч.

Юдита вздохнула.

– Наше предложение не включает финансового вознаграждения.

– Я пошутил, – Харпад подошел к кровати. – Мне понадобится несколько минут тишины.

Не снимая куртки и обуви, он растянулся на простыне, закрыл глаза и дотронулся до утолщения за ухом. Транс пришел быстро. Харпад зашел в g.A.I.a. и сразу же остановился перед нужным профилем. Это с ним впервые. Случайность? Какое-то время он напряженно ожидал атаки неизвестного. Нет, он был тут один, всегда был один. Медленно приблизился к записи, напоминающей табло с пульсирующим красным числом. Сто двадцать пять. Красными были только цифры, а не все табло, значит, Провокация действительно не имела доступа в тюрьму. Почему он раньше об этом не задумывался? Профиль Талинского казался больше и обширнее других. Если внимательнее присмотреться, то сходство с табло ослабевало. Он ни разу не отваживался дотронуться до записи, никогда не терял времени на изучение деталей. Нет, это не интерфейс, это его мозг создает такую иллюзию. Это как синестезия или осознанный сон, когда детали объекта проявляются, если сосредоточить на нем все внимание.

На уровне подсознания он ощущал, что касаться записей опасно, что это может обнаружить его присутствие, – как стакан, случайно разбитый вором. Раньше его всегда интересовал только показатель ПО, но тут было намного больше информации. Когда он на чем-то фокусировал зрение, данные увеличивались и открывались, словно элементы виртуального меню. Талинский родился пятнадцатого мая в багровый год, у него был небольшой лишний вес и группа крови А с отрицательным резусом. Доступной информации было больше, гораздо больше. Где-то внутри двигались шестерни... Это только представление движения электронов в полупроводниках спрятанных серверов g.A.I.a., становившееся здесь реальным.

Он заметил кое-что интересное: от записи отходило много нематериальных нитей. Прикрепленные к элементам профиля, они изменяли высветленные показатели. И где-то соприкасались с параметрами других людей. Харпад последовал вдоль одной из них и попал на профиль тюремного охранника по имени Кароль. От него тоже отходило несколько десятков связей. Харпад отступил и выбрал другую нить. Без труда попал по ней к записи Юдиты Талинской. Да, именно о ней он и подумал. Откуда он знал, что нужно выбрать именно эту нить? ПО – шестьдесят пять. Хорошая девочка, избегает проблем. Хотя это эффект закона анонимности. g.A.I.a. не учитывает события, происходящие во время службы. Возраст – двадцать шесть, группа крови А, положительный резус, состояние счета... Тут было значительно больше данных, которые появлялись перед нюхачом. Запись уже абсолютно не напоминала табло. Она превратилась в пространственную конструкцию, в сложную структуру мелких элементов на угловатом, неравномерном куске стекла. От каждого элемента отходило несколько нитей. Он огляделся в зеленых внутренностях g.A.I.a. Сейчас он четко видел, что они заполнены туго натянутыми нитями. Имеет ли это какое-то значение, или это только результат спущенного с поводка воображения? Встревоженный, он отступил. Лучше не играть с орудиями труда, благодаря которым зарабатываешь вполне приличные деньги. Он прервал транс.

– Сто двадцать пять, – сказал он, как только открыл глаза. Харпад сел на кровати. – Доказывает ли это, что g.A.I.a. взялась за вас?

– Это блок А, для богатых и ВИПов, – объяснил Талинский. – Мы платим за то, чтобы это место напоминало санаторий. Заключенных из других блоков мы видим через матовое стекло, за которым они больше похожи на тени. Если бы вы могли проверить моих сокамерников, сидящих тут уже несколько месяцев, вы бы обнаружили, что никто из них не приближается к сотне.

Могу, подумал Харпад. Достаточно представить необходимую нить.

– Если вы правы, – сказал он вместо этого, – то дело может привлечь внимание g.A.I.a. и ко мне. Имейте в виду, что апеллирование к моему чувству справедливости, вере в высшие идеалы и подобной хрени не сработает. Если когда-то у меня и были задатки идеалиста, то я вылечился.

Талинский повернулся на стуле и внимательно посмотрел на нюхача.

– g.A.I.a. затягивает петлю на наших шеях, – медленно начал он. – Это практически неуловимый процесс, потому что медленный и постоянный. Люди должны оставлять все больше следов, притворяясь, что они другие. Вы сами понимаете, что это нехорошо.

– Переходите к конкретике, – попросил Харпад.

– Ладно, начнем сначала, вернемся к моменту, когда система начала работать в главной комендатуре полиции в Кольце Варшава. Подобные системы работали уже в нескольких других городах. g.A.I.a. была спроектирована в диагностических целях, поэтому надзор за качеством внутренних процедур был необязателен. Программу установили на полицейском сервере; она должна была помогать полиции контролировать бывших заключенных, которых психологи признали потенциальной опасностью для общества. Система анализировала все доступные данные их жизни, уделяя особое внимание событиям, которые могут привести к стойким психологическим травмам. Давно уже известно, что ребенок, которого регулярно бьют родители, во взрослой жизни охотнее будет применять насилие. Молодой человек, связавшийся с плохой компанией, навсегда останется уязвим перед определенными искушениями.

Сначала пункты ПО за конкретные инциденты вводились сотрудниками вручную, но вскоре программе позволили самостоятельно их модифицировать. После интеграции g.A.I.a. с мониторингом города и частными сетями камер количество поступающих данных превысило возможности персонала. Люди тормозили и ограничивали искусственный интеллект. Тогда отменили человеческий оперативный надзор и оставили только случайный контроль. Это был момент, когда g.A.I.a. получила реальную власть, хотя никто ни о чем не догадывался. Это была одна из систем безопасности города, даже не самая важная. Мимер, программа, анализирующая язык тела, каждую неделю выявляла все больше преступлений. Ее минусом было время цифрового предвидения – она могла предвидеть преступление с опережением на несколько минут или даже секунд. Быстро выяснилось, что соединение двух этих систем принесет только пользу. Сначала они сотрудничали, но не прошло и месяца, как g.A.I.a. поглотила прямолинейного Мимера, воспринимая его просто как свой инструмент. В течение года все превентивные смарт-системы стали субпрограммами g.A.I.a., на протяжении пяти лет подобные системы самостоятельно интегрировались и в других городах. Даже Манфред, управляющий уличным движением, стал частью g.A.I.a. Благодаря обмену опытом значительно увеличилась точность показателя ПО. В какой-то момент мы осознали, что во всех городах действует одна общая g.A.I.a. ПО стал очень динамичной переменной. Табличные данные больше не могли справляться со сложностью аналитических процессов и под натиском общественного мнения, которое всегда ценило безопасность, g.A.I.a. была освобождена от обязанности хранить данные в понятном для людей виде. В Кольцах, где власти не согласились с изменениями, они все равно наступили. Неофициально. Реляционная база данных рассыпалась в хаотичную, на первый взгляд, контекстную базу, а дальше трансформировалась в динамичную структуру, которую человеческий разум не мог охватить. Это не восприняли как проблему, поскольку результаты были все лучше, а после Перемен безопасность стала приоритетом.

– А почему вы считаете это проблемой? – Харпад воспользовался короткой паузой.

– Вроде бы все хорошо, и система работает исправно, – согласился Талинский. – Но где справедливость? Подсознательно мы ощущаем, что что-то не так.

– Как по мне, так все нормально, – нюхач развел руками. – Убийцы исчезают из города до того, как им придет в голову кого-то убить. Идеальное решение для здорового общества.

– Не забывайте, что трусливая собака в неожиданной ситуации укусит первой. Запуганный человек стреляет быстрее, чем хладнокровный гангстер. Представьте себе двух соседей на одном этаже. Один – это милый, уязвимый человек, допустим композитор, второй – хам и деревенщина, не упускающий ни одного удобного случая, чтобы унижить слабого, завидуя его таланту. Грозный взгляд и брань не являются преступлением, но они вызывают у композитора ощущение угрозы. Хам, тем временем, тешит свое эго за счет соседа. Почти наверняка в

этой игре хам не переступит границы физической неприкосновенности, и даже личность слабого соседа его не волнует. Он вспоминает про него, только когда видит. В то время как разгоряченное воображение композитора, человека чувствительного, приведет к тому, что мелкие в сумме события перерастут в ранг угрозы его жизни. В этом случае именно композитор является потенциальным преступником, хотя вина за происходящее лежит на хаме. Ощущение угрозы побуждает нас принимать спонтанные решения, потому ПО композитора возрастет на много пунктов из-за одного соседства с хамом. В то время как ПО хама уменьшится, поскольку возможность психологического насилия над слабым будет предохранителем для его агрессии. g.A.I.a. не ликвидирует истинную причину потенциального преступления, а бьет в последний элемент причинно-следственной цепочки. Это всегда последний элемент, то есть потенциальный преступник. g.A.I.a. никогда не общается к истокам проблемы. И никогда этого не делала вплоть до вчерашнего дня, когда обнаружила, что человек, склоняющий кого-то к совершению преступления, и сам является преступником.

– Вообще-то это старое правило, называется «подстрекательство».

Юдита молча прислушивалась к разговору, поглядывая на настенные часы.

– Конечно, но подстрекательство к подстрекательству не является преступлением, – заметил Талинский. – Спросите себя, почему полиция заинтересовалась вами именно сегодня?

Не только полиция.

– Я весь внимание.

– Позавчера, в начале восьмого вечера, произошла очередная существенная реконфигурация g.A.I.a. Она происходит раз в несколько месяцев, мы узнаем об этом по исключительной нагрузке в межкольецовой связи. На двенадцать минут трансфер возрос на несколько порядков. После этого сразу же произошла серия Элиминаций. Исчезли люди, у которых раньше никто не подозревал ПО выше сотни – за несколько минут их ПО выросло до невероятных показателей. Не забывайте, что ПО касается только превентивности. Если вы кого-то убьете, то ваш ПО вырастет, только когда g.A.I.a. посчитает, что вы можете убить снова. В некоторых случаях ПО убийцы снижается. За эти двенадцать минут эти люди не сделали ничего особенного. Возросла только точность определения ПО, и g.A.I.a. выполнила корректировку. Как вы только что убедились, мой ПО вырос.

– Я всегда задумывался, при каком показателе ПО появляются элиминаторы.

– Ответ на этот вопрос – это первое, что мы от вас ожидаем.

– Мы?

– Я руководил командой, работающей над созданием интерфейса для считывания базы данных g.A.I.a.

Харпад удивленно уставился на него.

– Вы работали над... Прометеем?

– Не только я, – Талинский смущенно улыбнулся, – команда была большой. Проект распался, когда многие из нас подверглись Элиминации. Мы подозревали, что это преднамеренные деяния g.A.I.a, но кроме статистической аномалии не было никаких доказательств. В конце концов, что могло ей угрожать? Полиция, прокуратура, специальные службы – все были в ее власти. Цели, поставленные в начале ее создания, и дальше реализовывались, поскольку такое погружение в причинно-следственную иерархию служит увеличению эффективности превентивности. Последнее изменение доказало, что вся система имеет еще меньше общего со справедливостью в нашем понимании этого слова. Неожиданная реконфигурация случалась много раз, но наступившие изменения – самые серьезные с рубинного года, то есть за последние три года. g.A.I.a. разместила сама себя в собственной модели реальности. Это даже логично, поскольку у нее есть огромное влияние на всех людей. Сейчас берется во внимание и это влияние. ПО растет даже у людей, у которых не было происшествий, увеличивающих риск совер-

шения преступления. Появилась категория катализаторов преступлений – люди, само существование которых, сам способ их жизни может провоцировать других на преступление.

– Хама накажут за издевательства над композитором.

– В новой версии g.A.I.a. – да, хотя у него будет намного ниже показатель ПО, чем у его жертвы. Наказан будет чиновник, возвращающийся ночью через парк, поскольку он увеличивает вероятность нападения на него. Это перевернуло справедливость с ног на голову. Вы так не думаете?

– Возможно, но я не думаю, что могу быть вам полезен. Я без понятия, как определить порог, после которого человека забирают элиминаторы. Вы не можете их просто спросить?

– Они не знают, – пояснила Юдита. Харпад даже забыл о ее присутствии. – Они получают приказ и выполняют его. Они анонимны и выполняют анонимные приказы. Сам Надзор, координирующий и контролирующий все службы, не имеет доступа к этим данным.

Нюхач кивнул.

– А что второе я должен сделать?

– Найти любого известного политика, который приближается к этому показателю, – сказал Талинский. – Ближе всего к порогу Элиминации.

– Я могу спросить, зачем вам это?

– Нет.

– Почему меня это не удивляет... Вы, ребята, гребанные заговорщики?

– Если вам так угодно. Мы не хотим ничего менять силой. Мы хотим показать людям правду. Вы правы, мы не одни. У нас есть специалисты. Аналитики. Нам не хватало только нюхача.

– Вначале вы сказали, что g.A.I.a. взялась за вас.

– Это упрощенно. У g.A.I.a. нет сознания, она не является существом согласно нашим определениям. Правильнее сказать, что у нее появилось что-то вроде инстинкта самосохранения. Изменения, произошедшие позавчера, могли бы предположить самосознание, но, по моему мнению, это что-то другое. Ход мыслей, если это можно сказать о g.A.I.a., выглядит примерно так: «Я стою на страже закона, и это мой главный принцип. Каждый, кто угрожает мне, угрожает выполнению моих задач, значит, он способствует нарушению закона. Я должна защитить закон, а значит, защитить себя».

– Звучит логично.

– Вот только теперь ПО каждого, кто попытается ограничить ее власть, даже абсолютно легально, автоматически подскочит вверх. Достаточно будет лишь критики или сомнений в смысле существования g.A.I.a. Достаточно пошутить над ней. Про попытку найти серверную даже не вспоминаю.

Харпад поднялся, засунул руки в карманы и уставился в пол.

– Хотите сказать, это ее злая воля?

– Нет, у g.A.I.a. нет воли. Если вы разозлите рой ос, они будут жалить. Автоматика. А это означает большой соблазн манипуляции для политических оппонентов.

– Но разве не такие же механизмы заработали в момент появления телевидения? Мир изменился. Политики, которые не смогли адаптироваться, исчезли, – Харпад покачал головой. – Я не смогу обыскивать базу данных g.A.I.a. таким способом, – он вспомнил про нити. Нет, их лучше не трогать. – Я определяю показатель конкретного человека. Только и всего. Я даже не знаю, как это делаю.

– Наше предложение предполагает ваше сотрудничество, – медленно начала Юдита. – Если вы не выполните эти два задания, предложение перестанет быть актуальным. Кто-то может потребовать заплатить налоги и проверить другие сферы вашей жизни. Например, почему вы игнорируете выплату алиментов брошенной жене с ребенком.

Харпад стиснул зубы.

– Я не бросал ее, – рявкнул он. – И плачу значительно больше, чем те гроши, которые назначил бы суд.

– Но у вас нет счетов. Послушайте меня, если вы сделаете то, о чем мы просим, вы получите свидетельство трех полицейских психологов, что являетесь идеальным отцом. Такое суд не сможет проигнорировать.

Харпад посмотрел Юдите в глаза. Она моргнула и отвела взгляд, но это короткое мгновение позволило ему понять, что вся ее строгость – только поза, которая дается ей с трудом. Он потер лоб, нервно взвесил все за и против.

– Ладно, – ответил он спустя минуту. – Попробую. Шанс никакой, но я попробую. Мне нужно только немного времени, чтобы подумать, как к этому приступить.

На лице Юдиты появилось выражение облегчения.

– Сначала мы в любом случае должны вас обследовать, – заявила она. Заметив его вопрошительный взгляд, тут же добавила: – Мы не хотим, чтобы вы получили insult или инфаркт во время работы на нас.

Если бы вас это еще вообще волновало, подумал он, но кивнул.

Зазвенел звонок, и Талинский посмотрел на часы, потом на двери. Через мгновение клацнул замок, матовая стеклянная плита стала прозрачной и отъехала вбок.

– Время посещения – это единственный не подлежащий обсуждению вопрос, – пояснил он и подал нюхачу руку на прощанье.

Юдита крепко обняла Талинского.

– Держись, дорогая, – прошептал он ей, настолько громко, чтобы услышал Харпад.

Что с Марысей?

На свежем воздухе он почувствовал облегчение. Фонари, прикрепленные к верху бетонной стены, сменили ночь на день. Он пошел дальше и, задрав голову, посмотрел на сотни тысяч огоньков Натолина и Вавера⁶ на противоположной стороне Кольца Варшава: пульсирующие светящиеся вены улиц, геометрические очертания жилых домов, темные пятна парков. Тринадцать километров над его головой.

⁶ *Натолин и Вавер* – районы Варшавы.

III

Профессор Россмуда выстукивал трубку об пробку посередине пепельницы. Это было излишне, поскольку трубка была единственным электрическим гаджетом, из которого можно было выпустить дым почти без запаха.

– Мы ни хрена не знаем, – сказал он в пространство.

– А что мы должны знать, – Талинский налил кофе в две кружки. – Мы всего лишь пара старперов, сидящих в каталажке и ведущих послеобеденные беседы, убивая время. Нам не хватает только безе на фарфоровых тарелочках.

Россмуда посмотрел на него со странной грустью и быстро опустил взгляд.

– Да-а-а, и серебряных вилок...

– Вернемся к нашей излюбленной теме: должна ли g.A.I.a. быть над законом?

– Она рядом с законом, перед законом, – с напряжением сказал профессор. – Это совсем другое. g.A.I.a. следит за тем, чтобы закон не нарушали. Я уже приводил примеры, которые ты систематически игнорируешь. Напомнить? Смотри, ты можешь кидать в людей камнями. Если ни в кого не попадешь, получишь как максимум штраф; если убьешь кого-нибудь – посадят за преднамеренное убийство. Но кидая камень, ты не знаешь, попадешь в кого-то или нет. Так почему наказание должно зависеть от судьбы? Это то же самое, как если бы на суде подкидывали монетку: коктейли с зонтиками на Кольце Багамы или многолетнее заключение.

– Ты ищешь абсолютную справедливость? Или ты действительно фантазируешь о полном отказе от законодательства?

– Закон не является ценностью сам по себе. Он должен быть утилитарным, а потому должен уступить место более эффективной системе. Он, прежде всего, служит для поддержания порядка; на втором месте, и ты прекрасно об этом знаешь, стоит защита интересов группы, создающей этот закон, а только потом мутное понимание справедливости. Иллюзии справедливости. Целью беспристрастной g.A.I.a. должна быть защита общества. Пока эта защита определяется законом, но это только протез, поскольку закон не является основным понятием. Последняя реконфигурация g.A.I.a. показала, что эта гребаная система стремится в этом к совершенству, а ей мешают не только технологические ограничения, но и сам закон как посредник.

– И мы вдвоем являемся прекрасными тому примерами, – признал Талинский. – Твое пребывание здесь противоречит сложившемуся мировоззрению.

– То, что лучше для меня, не обязательно должно быть лучшим для всех. Конфликт тоже возникает в данном случае, это понятно. Но почему, скажи мне, я не должен вести себя эгоистично, если это часть культурной нормы?

– Но разве ты не должен подавать пример остальным?

– Только глупец или сумасшедший идет против тенденций. У меня нет склонности к самоубийству.

– И у меня, – признался Талинский. – Времена лидеров, идущих во главе толпы, давно прошли. Сейчас идеи генерируются из бункера в тылу.

– Из такого, как наш.

– Согласен.

– Видишь, я иду против себя, потому что хочу, чтобы система не допускала случаев, подобных моему. Нашим. Я хочу систему, в которой санкции неизбежны и не зависят от лотереи. Так было бы проще.

– Лотерея, о которой ты говоришь, – определитель нашей свободы.

– Дед, ты путаешь, свободу воли с приговором судьбы. Думаешь, что кидание камнями – это выражение индивидуальной свободы? Ну уж нет! Если идея ПО станет совершенной,

кидание камней будет наказываться, независимо от результата. Наказание рассчитается статистически. Можешь кого-то убить, можешь и промахнуться. Нынешнее состояние способствует риску, потому что тот, кто кинул камень, может рассчитывать на то, что ни в кого не попадет. Таким образом, он надумывает вероятность, пробует воображать и увещевает себя тем, что избежит наказания. Ага! В мире идеальной гиперпревентивности наказание будет применено до того, как камень будет брошен. И никто не пострадает.

– Правила расчета ПО неизвестны. Неизвестны также и значения показателя. – Талинский откашлялся, маскируя другой тон голоса. – Можно попытаться вычислить, догадаться. Правила неясны, поэтому нельзя требовать от людей бездумно следовать им. Без ссылок на единый закон, гиперпревентивность потеряет моральную основу. Уже сейчас рассчитывается только вероятность, что кто-то кинет камень.

– Это возвращает нас к природе, неужели не видишь? Выживет тот, кто лучше всего приспособился к среде, созданной для нас g.A.I.a. Законы природы нигде не записаны, их нельзя вызубрить, нельзя обжаловать решение в высшей инстанции. Жаба, съеденная аистом, не будет жаловаться. В конце концов, ты знаешь правила: с воронами по-вороньи каркать. А знание закона только облегчает его обход. Знание следственных процедур помогает скрывать следы, а судебных – избегать наказания. Законы природы нельзя игнорировать, обойти, поменять. Тем более, нельзя избежать наказания. Идеальная система гиперпревентивности будет такой же. Мир без преступлений, можешь представить?

– То есть ты считаешь, что высшей целью g.A.I.a. должно стать исключительно благо общества? Я не буду напоминать, сколько уже было концепций осчастливливания людей...

– Речь не о благе людей, а о благе человечества. Пойми, баран, это две разные вещи. Мы живем в искусственной среде, то есть в этом Кольце, мы в одной телеге во всех Четках. Ошибка предыдущих попыток осчастливить человечество состоит в том, что это делали сами люди, испорченные чертами характера, собственными слабостями, вбитыми в голову культурными ограничениями. g.A.I.a. от этого свободна, и конечным результатом системы ПО должно стать благо общества.

– Почему не сама g.A.I.a., а? Она не справедливый бог, только один из игроков. Игрок и бог в одном лице. Судья игры, в которую сама играет. Извращение, ты так не считаешь?

– Нет, ее нельзя извратить, как нас. Она будет игроком какое-то время, пока не достигнет состояния идеальной абсолютной власти. Как только это наступит, ей уже не нужно будет заниматься собственной безопасностью – она поднимется над этой игрой и реализует настоящие цели.

– Послушай, старый хрыч, – Талинский сложил руки на груди, – сколько раз слышу о претворении идеалов в жизнь, столько раз и вижу братские могилы. Во время работы над Прометеем я анализировал деяния g.A.I.a. Нет, я и близко не подобрался к пониманию искусственного интеллекта. Я не понимал ее мотивов, не знал целей. Это сущность, вырвавшаяся из наших рук и переросшая нас на несколько порядков. В ней нет ничего человеческого, ничего из того, что много лет вкладывали в нее программисты.

– Ты реально не понимаешь? Ведь в этом и есть гарантия нашей безопасности! g.A.I.a. не может проявлять какие-либо человеческие качества, потому что среди них есть и отрицательные. И даже наши прекрасные возвышенные чувства могут быть убийственными! Нам нужно бесчеловечное управление цивилизацией. В космическом масштабе нет места чувствам. Остается математика.

Талинский с беспокойством осознал, что мысли профессора мало в чем сходятся с его собственными.

– И во имя этой математики членов Прометея предавали Элиминации? – спросил он. – Проект создали согласно закону, за который проголосовали почти единогласно. Она работала согласно закону, соблюдение которого является высшим заданием g.A.I.a. Однако проект пере-

стал существовать, когда стало не хватать ключевых специалистов. Часть подвергли Элиминации, а часть сбежали из проекта, не желая разделить их судьбу.

– Успокойся, Прометей был угрозой для g.A.I.a. Она вынуждена была защищаться.

– То есть инстинкт выживания? Если у g.A.I.a. будет выбор: она или человечество, что же она выберет? Пойми, разумное существо должно развивать инстинкт самосохранения.

– Ерунда! Даже если ты хочешь трактовать g.A.I.a. как существо, что само по себе рискованное предположение, ты должен помнить, что это существо – первое и единственное в своем роде. Инстинкт самосохранения – это результат естественного отбора миллионов поколений. Тут нет речи ни о каком отборе.

– g.A.I.a. поглотила несколько подобных программ. К тому же не стоит забывать, что мы говорим об искусственном интеллекте, который имеет доступ ко всем знаниям человечества. Она *знает*, что такое инстинкт самосохранения.

– Этих знаний недостаточно для его самореализации, – упирался профессор. – У нее должна быть свобода воли. Ты тоже *знаешь*, как сочинять музыку. Но это не означает, что ты можешь собрать в кучу хотя бы три ноты.

– У кузнечика есть инстинкт самосохранения. Ты хочешь сказать, что у него есть и свобода воли?

– У кузнечика есть комплект инстинктов с самого начала. А g.A.I.a. должна была бы добавить эти инстинкты в свой код, а для этого должна была бы сначала осознать их полезность. В конце концов, откуда ты *знаешь*, что она защищалась, чтобы выжить? Я думаю, что она защищалась, чтобы ее миссия могла продолжаться и дальше без помех.

– С нашей точки зрения, выходит одно и то же, – заметил Талинский. – Защищает ли она себя или миссию, это ничего не меняет. Она убирает людей, которые хотят ее контролировать.

– Пойми, если g.A.I.a. отождествляет себя с миссией, то это означает, что она делает именно то, для чего ее создали. Она препятствует нарушению закона, используя гиперпревентивность. Предвидит, какие деяния после каких-то там этапов приведут к нарушению закона. Это обратный эффект бабочки. g.A.I.a. выполняет почти бесконечное число симуляций, изменяя мелкие параметры, ищет для нас наиболее безопасные пути, а потом идет против течения времени, следуя за потоками вероятности, и предвидит то, что поможет избежать катастрофы. Она удаляет первую раковую клетку еще до ее деления, до того, как она превратится в неоперабельную опухоль. Я глубоко верю, что основной целью g.A.I.a. является благо человечества.

Талинский покачал головой.

– Когда-то один философ сказал, что есть только три вида правды: святая правда, тоже правда и чушь собачья. Вот с этим благом для человечества – это третий вид правды.

– Ты *знаешь*, кто следит за центром тяжести Кольца Варшава? Не алчные застройщики же, которые построили бы два здания в одном месте, если бы это позволили законы физики.

– Думаю, что этим занимается соответствующий орган.

– Орган в делах балансировки кольца? Не неси чушь.

– Все как всегда! Когда ты не прав, ты сразу направляешь нашу дискуссию в другое русло. Постоянно растет число ложных обвинений во всех возможных преступлениях против закона и традиций. Формулировка «осудить кого-то на смерть» уже не является образной. Это новая стратегия избавления от политических врагов, использующая механизм гиперпревентивности. Что из того, что кто-то чист? Что из того, что в результате долгого разбирательства его официально оправдают? Что из того, что ему выплатят огромную компенсацию? Невинный уже давно исчезнет в Элиминации. Где в этом благо человечества?

– Время святой правды. Ты должен признать это. Нет личности без общества, но общество может обойтись без личности. Благо одного человека менее важно, чем благо общества.

– Поэтому нас должны разводить, как форель в Кольце Осло? – Талинский мерил камеру шагами. – Сначала мы попробуем заставить g.A.I.a. уважать... принципы нашей человечности.

– Ты хочешь научить искусственный интеллект гуманизму? Ты как мотылек, который стремится научить человека кружить вокруг лампы, потому что это единственное, что он умеет.

– Мы – я, ты – не являемся сраным обществом, мы – личности. Я. Я – личность. Общество – это только слово, что обозначает много таких, как я или ты. И не общество должно быть счастливым, а мы все, каждый отдельно по-своему. Но даже, хрен с тобой, возьмем это «блага человечества». Что это вообще такое? Какой параметр является самым важным? Здоровье, богатство, успех, долголетие, равенство, справедливость, индивидуализм? Всего сразу не реализуем, обосремся. От чего-то надо отказаться, поскольку эти ценности прекрасны и одновременно противоречат друг другу. Даже если благодаря г.А.И.а. этот мир достигнет одной из версий совершенства, то только часть общества будет счастливой. Другие стремятся к другим совершенствам. Ведь жизнь складывается из маленьких радостей и неприятностей, из неудач и ошибок. Из риска. Хочешь, чтобы это все исчезло во имя какого-то абстрактного «блага человечества»?

– Люди умирали из-за разницы в пропорции между этими параметрами. Ты считаешь, что общество существует исключительно для блага личности?

– Я считаю, что одно не может существовать без другого. Если мы обезличимся, это подорвет смысл существования общества. Зачем принадлежать обществу, если оно враждебно по отношению к личности? К тому же где ты в этом сценарии видишь справедливость?

– Ты говоришь так, как будто жил с иллюзией закона, гарантирующего справедливость, – профессор развел руками. – Это бред сивой кобылы для темных людей. Либо равенство, либо справедливость, либо свобода. Основной функцией закона было и остается поддержание порядка. Знаешь, как превратить человека с моральными принципами в извращенца? Не нужно менять самого человека, просто измени сами принципы. Не сосчитать, сколько раз за историю человечества герои постфактум становились преступниками.

– Гиперпревентивность отменяет моральные принципы.

– Нет, мой дорогой, она устанавливает новые критерии оценки нашего поведения. Много лет назад, до Перемен, было громкое дело одного лунатика... не помню, как его звали. Он ходил во сне и цеплялся к людям, кого-то даже избил. Он обыгрывал сцены из своих снов. Он понес наказание за действия, совершенные во сне, которых даже не помнил. Ты назвал бы это справедливостью? Или другой случай: мужчина в результате сильного избиения получил травму головы. У него начали проявляться приступы агрессии. Три раза он избил жену, кидался на полицейских. Пошел за это в тюрьму, но разве это справедливо? Перед избиением он таким не был. Разве за его поступки не должен ответить виновник его состояния?

– Конечно, должен, – неохотно согласился Талинский. – Но нет закона, который смог бы описать подобные хитросплетения.

– Хорошо, идем дальше. Ты знаешь, что при пересадке костного мозга реципиент получает многие качества донора: кулинарные предпочтения, темперамент, иногда даже цвет глаз. Что будет, если ему пересадят костный мозг серийного убийцы? Кто будет виноват в превращении спокойного человека в чудовище?

– Успокойся, ты превращаешь нашу дискуссию в абсурд.

– Нет, только показываю уровень сложности дела, которое должно регулироваться законом. Помни, что закон одинаков для всех. Тут, так или иначе, нет места справедливости. Никто не сможет оценить, за что отвечает наша воля, а что является результатом, например, детской травмы. Ребенка, которого регулярно избивает мать-наркоманка, мы называем жертвой. Но через двадцать лет эта жертва убьет кого-нибудь в приступе злости, и мы назовем его преступником. А убил он только потому, что в детстве над ним издевались. Это доказывает причинно-следственные связи.

– Тут в игру входят скорее корреляционные факторы. Ребенок унаследует от матери склонность к пристрастиям, даже если она не наркоманка.

– Я уверен, что g.A.I.a. анализирует каждый случай, опираясь на недоступные нам параметры и неведомые нам алгоритмы. Используя показатели ПО, она устраняет из нашего коллективного сознания моральную дилемму о том, кто виноват. Скоро виновных не будет вообще, потому что исчезнут те, кто, вероятно, мог бы им стать независимо от причин. При совершенном надзоре над всеми гражданами мать-наркоманка не издевалась бы над ребенком. Она бы даже не стала наркоманкой. Разве ты не видишь красоту этой идеи?

– Это утопия! Ты настолько глуп, что веришь в ее применение в рамках реальности? Никто не может проверить законность целого процесса. Я говорю даже не о злой воле, а об ошибочном анализе вероятности Потенциальной Опасности. Если Элиминация заберет невиновного, мы об этом даже не узнаем.

– Я же про это и говорю, ты меня вообще слушал? – Россмуда отложил трубку, чтобы свободно жестиковать. – Виновный или невиновный – это понятия, которые должны уйти в небытие. Ведь это можно установить только после факта совершения преступления.

– Оптимизация до бесконечности каждого из процессов приводит к абсурдности. Если я встречаюсь с другом в кабаке, чтобы обсудить детали совместной рыбалки на берегу реки в районе Прага, то трачу много времени и денег. Кажется логичным, что оптимизация должна сократить время обмена информацией и снизить затраты. Мы могли бы это уладить с помощью коммуникаторов, не выходя из дома. Вместо того чтобы покупать супер-удочки, о которых мы мечтаем, лучше купить их дешевый аналог, поскольку мы не часто будем ездить на рыбалку. А еще лучше удочки одолжить и не ехать в район Прага на заросший осокой берег, а только на Повисле, где на бетонном берегу удобней рыбачить. И вот в один прекрасный день этот процесс оптимизации приведет к тому, что вместо рыбалки мы купим сраное замороженное филе минтая.

– Это было бы разумно.

Талинский покачал головой.

– Если все должно подвергаться максимальной оптимизации, то зачем нужны люди с сознанием? Лучше превратить нас в машины. Нет, что я говорю! Лучше ликвидировать человечество, поскольку, с твоей точки зрения, мы не занимаемся ничем, кроме энтропии Вселенной!

– Признаю, что рыбалка на Висле абсолютно нерациональна.

– Ты, наверное, хотел бы жить в каком-то утопическом социализме, в обществе роботов! В истории с другом суть не в этой чертовой рыбе, которой в Висле даже нет, а только в поводе, чтобы выпить с другом пиво.

IV

В нескольких сотнях метров на запад от парка Мочидло Воля заканчивалась Барьером, за которым тянулась только чернота космоса и звезды. Одоляны и Елонки⁷ не пережили Перемен. Сейчас, ночью, Харпад не ощущал здесь такой подавленности, но днем старался избегать приграничных районов. Ниже пятидесяти метров от Барьера иллюзия солнечного неба начинала исчезать. Поверхность, видимая под острым углом, не отражала синь. Размытая черная дыра на полнеба почти у каждого вызывала беспокойство. Было светло как днем, а в то же время рядом, на расстоянии вытянутой руки, звезды сияли в абсолютной черноте космоса. Человек чувствует себя так, словно стоит на краю мира, и, более того, это соответствует действительности. Здесь цены на квартиры и офисы были самыми низкими, а уровень самоубийств – самым высоким. Харпад платил за маленькую клетушку, расположенную недалеко от старых районов, ближе к центру, чтобы каждый день не напоминать себе, чем после Перемен стала Варшава.

Симка углубилась в лабиринт улочек самой старой части Воли. Полицейская молчала, хотя периодически поглядывала на него, словно хотела о чем-то спросить. Сдерживалась.

Кабинет располагался в подвале дома, удаленного от Барьера не более чем на сто метров. Дальше были только низкие дома бедняков и отбросов общества. Последние несколько метров до Барьера избегали даже бездомные собаки. Коммуникаторы теряли связь, навигация сходила с ума. Это был небезопасный район. Юдита нажала звонок, через мгновение нажав снова. Когда где-то внутри звякнуло разбитое стекло, она непроизвольно потянулась к спрятанной под курткой кобуре. Звук не повторился. В стальных дверях открылось маленькое окошко, и показалась камера. Сканер проверял их ID-чипы.

– Кого ты притащила? – грубый голос был искажен плохим динамиком.

– Того, кого мы искали, – ответила она.

Динамик шелкнул, окошко закрылось. Заскрежетал замок, и двери приоткрылись настолько, чтобы они смогли протиснуться в мрачное нутро. Электрический привод закрыл двери, как только они оказались внутри. Это не было похоже на врачебный кабинет, разве что владельцем был доктор Франкенштейн. Тусклый свет, исходивший от стоящей в углу лампы, освещал только контуры окружавших их вещей, и этого хватило, чтобы заметить, что медицинское оборудование было не только самого низкого класса, но и в ужасном состоянии. На некоторых мониторах не хватало корпусов, кабели обмотаны изолентой.

– Я как-то начинаю серьезно сомневаться, – буркнул Харпад.

– Я не буду вас резать, – произнес низкий седой мужчина пятидесяти лет, разглядывая его из-за толстых стекол очков. Заляпанный комбинезон, несмотря на белизну ткани, больше подходил бы для слесарной мастерской. – Обследование не инвазивное, – добавил он, – если только вы не считаете проникающие в ткани лептоны – инвазией.

– Постараюсь не подхватить какое-нибудь дерьмо от одного взгляда на это, – продолжал ворчать нюхач.

– Пришли результаты, как только закончишь анализ, Соул, – полицейская повернулась к дверям. – Я свяжусь с вами завтра перед обедом.

– А возвращаться я должен сам?

Она смерила Харпада взглядом, в котором мелькнуло что-то вроде замешательства – он не смог точно определить эмоцию.

– Вызовите машину. Она будет тут через пять минут.

– А через пятнадцать тоже будет?

⁷ Одоляны и Елонки – районы Варшавы.

Двери за ней закрылись. Харпад остался один на один с Соулом, который все еще с любопытством смотрел на него.

– Можем начинать? – спросил нюхач.

– Можем, – ответил врач. Он не двинулся с места, все еще глядя на Харпада.

– Ну, тогда начинаем.

Врач медленно подошел к стене и включил еще одну лампу. Это мало что изменило, но теперь можно было увидеть стены и другое медицинское оборудование. Много оборудования. Это не врачебный кабинет, даже не старый его аналог. Помещение выглядело как чистилище для сломанных машин. Тут их распределяли: кого на металлолом, а кого на переделку и повторное использование.

– Вы – врач? – спросил Харпад. – За что вас сюда сослали?

– Никакой ссылки. – Соул коснулся лежащей на столешнице панели управления. – Стоит что-то делать только потому, что это правильно. Разве не так?

Харпад жестом обвел кабинет.

– Так заканчивает человек, который делает то, что правильно.

– Ложитесь сюда, пожалуйста, – сухо сказал врач. Он указал на аппарат, состоящий из установленного вертикально кольца и лежанки, которая заходила в него. – Лептоны теряют терпение.

Харпад подозрительно провел пальцем по коричневой синтетической коже, обтягивающей лежанку. Она противно липла, словно ее не мыли много лет. В принципе, ему было все равно. Он лег на нее, не снимая обувь, и сразу почувствовал, как она прилипла. У него промелькнула мысль, что ответ врача был неоднозначным. Правильная ли эта работа или тоже наказание за правильные поступки?

– Что это за оборудование? – вместо этого спросил он.

– Его название вам ничего не скажет, – врач флегматично заканчивал конфигурации на панели. – У вас есть при себе какие-нибудь металлические предметы?

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Потому что они могут убить вас во время обследования.

Харпад сел, вытащил зажигалку, портсигар с выгравированной на нем надписью: «Для Павла, любви всей моей жизни», на всякий случай отложил и коммуникатор. Похлопал по себе, ничего больше не нашел. Перочинный нож ему не вернули после задержания. Раздалось гудение. Лежанка с противным писком роликов заехала в кольцо.

– Не двигайтесь, – попросил Соул. – На пару минут превратитесь в труп.

Харпад сохранял неподвижность следующие десять минут, пока оборудование гудело и выдавало из себя писк, наводящий на мысль об альтернативной музыке. Наконец все стихло, лежанка выдвинулась.

– Ну что, я здоров? – спросил нюхач, поднимаясь.

– Я еще не закончил. – Соул показал ему на кресло. – У вас нет в желудке вилки, а это уже что-то.

Он положил руку Харпада на подушечку, лежащую на столе, и надел на запястье браслет, соединенный тонкими кабелями с очередным аппаратом. На экране выскакивали цифры. Наконец, появилась диаграмма, и что-то запищало.

– Вот и все, – врач снял браслет и фальшиво улыбнулся. – Нано в порядке. Чего еще желать от жизни.

– Что в порядке?

– Нано. У вас здоровое нано.

Нано означало что-то очень маленькое, но ни с чем конкретным не ассоциировалось. Он встал.

– Что они хотели узнать?

– Может, они сами вам скажут, – врач быстро взглянул на него из-за очков. – Анализ еще не готов, это старая аппаратура, но уже сейчас я вижу, что им не понравится.

– Их недовольство меня не волнует. – Харпад накинул куртку и вышел.

– Они будут недовольны, – повторил Соул, когда двери с грохотом закрылись.

Триумф стоял в десяти метрах от входа. Переднее правое крыло было погнуто. Гильдия автомехаников выбила закон, принуждающий владельцев авто заменять в течение недели любой поврежденный элемент кузова. Протесты экологов, желающих ограничить ненужные замены, ускоряющих рост свалок и увеличение Облака, ни к чему не привели. Каждый тянет в свою сторону, не оглядываясь на остальных. Харпад давно сформировал позицию: альтруизм, глобальное мышление и тому подобные фантазии о лучших временах ограничивались для него нанесением ненужного вреда другим. Он пытался выбирать наиболее простые решения, избегая бесполезных размышлений о тех вещах, на которые человек не мог повлиять. Вывод на сегодня напрашивался один: в запасе есть еще немного времени до того, как автопилот сам направит автомобиль на станцию техобслуживания. Он думал, что делать с остатком ночи. Обычно он шел в бар или ложился в кровать и переключал телевизионные каналы, просматривая каждый не дольше пары минут. В последнее время к этому добавились свидания с девушкой, с которой его связывало нечто большее, чем случайный секс.

Он оперся на погнутое крыло и посмотрел на ночной город. Огни центральных районов поднимались вверх с правой и левой стороны. В месте, где улицы, казалось, поднимались вертикально, тысячи мерцающих точек исчезали в Облаке, черном в это время суток. Выше темнело мнимое небо без звезд.

Что что-то не так, он ощутил, когда закрыл за собой дверцу. Посмотрел в зеркало. Он был там, Бульдог с жирными волосами.

– Не умеешь пользоваться коммуникатором? – рявкнул Харпад.

Бульдог наклонился вперед и оперся локтем о переднее сиденье.

– Умею. Ты не получаешь сообщения.

Нюхач вытащил из кармана коммуникатор – он был заблокирован. Он сам это сделал во время ареста, чтобы полиция не смогла быстро добраться до его памяти. Они даже не пытались – не было информации о попытках доступа. Он прочитал сообщение от Вольфа, отправленное три часа назад с очередным заданием. Как обычно, это был не приказ, звучало скорее как утверждение будущих событий, как уверенность, что его воля станет реальностью.

– Когда и где я должен встретиться с клиентом? – с неохотой спросил Харпад.

– Тут все данные, полный профиль. Шеф не хочет, чтобы ты встречался с объектом.

– Тогда скажи шефу, что у него нет выбора. Я должен встретиться.

– Шеф будет недоволен.

– Он может быть недовольным, злым или взбешенным, – Харпад так устал, что не ощущал страха. – Без личного контакта я не смогу проверить ПО. И никакие угрозы этого не изменят.

Бульдог промолчал. Затем вышел из машины и ушел в сторону ближайших ворот.

– Надеюсь, не до одиннадцати, – тише добавил Харпад.

В воротах зажглись габаритные огни. Черный Олдсмобиль прокатил мимо с тихим рокотом движка.

Нюхач вышел и оперся на крыло, вытащил сигарету. Когда прикурил, заметил, что у него трясутся руки.

Все-таки в бар.

* * *

Бар «Пиворы» размещался в подвалах каменицы на Жолибоже. Под голыми кирпичными стенами стояли красные диваны, возле них располагались низкие столики. Царил полумрак.

Из-под длинной барной стойки с тесно приставленными к ней высокими стульями сочился оранжевый свет. Одиннадцать вечера, люди прибывали. В воздухе висел табачный дым, и не только табачный. Это было незаконно, но присутствие двух полицейских, выпивающих, скорее всего, за счет фирмы, многое объясняло.

Харпад сидел на высоком барном стуле, втиснутом в угол за игровым автоматом. Звук механизма, напоминающего звон монет, ему не мешал. Он не пытался собраться с мыслями, он хотел избавиться от них. После третьего бокала он понял, что это будет трудно, потому что задал себе вопрос, откуда, собственно, Бульдог знал, где его искать. И откуда перед этим Вольф знал, что Харпад в зоопарке? Коммуникатор или ID-чип не имели локализаторов. Намного проще отследить машину. Им даже не пришлось взламывать систему безопасности движения, достаточно прицепить где-нибудь жучок. Нужно проверить. И поменять замок. Ну да, если бы это могло что-то изменить.

Деньги в тайнике были не тронуты. В подобном месте бумага была предпочтительнее электронного платежа. Чистая прибыль.

Он крутил в руках банкноту, ходившую еще до Перемен. Расположившись над единицей и тремя нулями, с банкноты на него смотрел Николай Коперник. Старый астроном не поверил бы, что люди сделали с Солнечной системой.

Он махнул бармену и указал на стакан. Это единственный действенный способ отогнать плохие мысли. Хороших не было.

Где-то в районе шестого бокала к нему подседа она. А может, ему только показалось?

* * *

Когда он открыл глаза, то ничего не увидел. Что было еще хуже, он не помнил, что делал перед тем, как лечь. У него болела голова, во рту пересохло. Он пошевелил ногой и скривился от боли. Половина тела задеревенела от пребывания в неудобном положении. Он потрогал постель. Это точно не его кровать. Матрас был твердым, слегка мокрым, а воздух влажным и затхлым. Он моргнул еще пару раз, но ничего не изменилось. Темно. Он поднял правую руку и придвинул к лицу. Бледное пятно означало, что темнота не абсолютная. Раньше он, должно быть, лежал на левом боку, поскольку на попытку пошевелить левой рукой она отреагировала тысячью холодных иголок.

Несмотря на боль, он заставил себя сесть. Со стоном, но получилось. Опустил ноги и почувствовал под босыми ступнями холодный бетон. У него все болело, он чувствовал себя так, словно его избили или выкинули на ходу из автобуса. К сожалению, он не помнил, что случилось на самом деле. Пока он собирал обрывки мыслей, рядом в темноте что-то затрещало и зашуршало.

Он замер.

– Проснулся...

Он повернул голову в сторону, откуда донесся голос. Такая же темнота.

– Кто тут? – осторожно спросил он.

– Неважно. Мы больше не увидимся.

– Философ, – фыркнул он.

Ответом был приглушенный смех, который мог быть и вздохом.

Он сидел неподвижно. Не знал, что должен делать. Он понял, что арестован, но, похоже, этот арест игнорирует все законы.

– Как тебя поймали? – спросил голос.

– Поймали?.. – удивился он. – Хотя, наверное, так и есть.

Значит, его арестовали. За что?

Кто-то в соседней камере пытался трясти решетку. Но она была идеально подогнана, поэтому даже не шелохнулась. Только бледная фигура резко двигалась.

– Трахнутые ублюдки! – яростный голос эхом разнесся по коридору. – Здесь даже толчка нет! Выпустите меня!

Сокамерник поднялся и, хромая, подошел к решетке.

– Не рви глотку, а то без обеда останемся, – сказал он спокойно.

Одежда! Он потрогал себя и с сожалением понял, что она исчезла. Вместо нее на него натянули какую-то грубую пижаму или, скорее, тюремную униформу, может комбинезон.

– Я подам жалобу, – заявил он в темноту.

– Делай, что хочешь. Тебе нечего терять. – Сокамерник вернулся на свое место и тяжело сел. – Кроме обеда.

Где-то в коридоре загорелся слабый свет. Расстояние до него подсказывало, что здание больших размеров. Охранник приближался медленно, неся в руке фонарь.

Он поднялся с нар и заставил ноги донести себя до решетки – вертикальных стальных прутьев, толще большого пальца. В слабом желтом свете он смог разглядеть, что новая одежда оранжевого цвета.

– Я хочу позвонить, – заявил он тоном, не терпящим возражений. – У меня есть право на один звонок!

– Нет у тебя никаких прав. – Влез сокамерник. – Сиди и жди.

– Охрана! Я хочу позвонить!

Охранник не обратил на него внимания. Более того, он не был человеком. Массивная, почти двухметровая машина на гусеницах проехала мимо и уже удалялась. Не удалось рассмотреть деталей, кроме могучих гидравлических рук.

– Я – юрист! Меня зовут Марек Реведа, и я уважаемый адвокат!

Сокамерник вздохнул.

– Не имеет значения, кто ты. А вернее, кем был. Я держал киоск. Там ты мог быть даже мэром, а тут ты никто.

– Я засужу вас! – юрист не слушал. – За незаконный арест вы не расплатитесь до сраной смерти!

– Арест? – худое лицо владельца киоска замаячило в свете слабого фонаря. – Ты ничего не помнишь?

* * *

Свистящий и рычащий коммуникатор прервал его сон и начал экзекуцию за вчерашние излишества. Харпад ненавидел этот момент, но, тем не менее, никогда о нем не вспоминал, когда начинал пить.

Встать? Не встать? Ни один из вариантов ни к чему не приведет. Заснуть уже не удастся, он знал это по опыту. Наконец заставил себя подняться и посмотрел в окно. Это никогда не помогало, но он всегда так делал. При хорошей погоде, если ладонью прикрыть Несолнце, между небоскребами центра далеко на севере удалось бы рассмотреть здания Муранова почти точно под углом сорок пять градусов сверху. Но не сегодня.

Восток, запад, север, юг – эти определения использовались по привычке. Компас в Кольце Варшава показывал исключительно на ближайший магнит. Настоящее Солнце находилось в плоскости Кольца, заряжая солнечные панели на его корпусе. Ни с какого места нельзя было увидеть его. Источник света находился в Облаке. Несолнце включалось и выключалось, отмеряя двадцатичетырехчасовой ритм. Размытые тени не двигались вместе со стрелками часов. Искусственная звезда всегда стояла в зените, скрытая в тумане, иногда плотном, иногда редком, в зависимости от неизвестных факторов.

День был похож на день, девяносто лет продолжалась ранняя, капризная осень.

Во время Перемен дома наращивали этажи, одновременно снижая высоту потолков и деля помещения на размером поменьше. Варшава была одним из городов, решившихся на это, вместо того чтобы отстраивать все с нуля. Более оптимизированные Барселона и Сантьяго из старой архитектуры оставили только самые ценные памятники. Остальное спроектировали так, чтобы с толком использовать пространство Кольца. Такое решение пользовалось популярностью, но, по мнению Харпада, уж лучше жить в тесной клетушке в городе, что притворяется Варшавой, чем в три раза большем тридцатиуровневом подвале где-то в Бангалоре.

Коммуникатор снова отозвался. Харпад опустил на кровать и посмотрел на экран. Три непрочитанных сообщения. Юдита срочно хочет встретиться. Отправитель идентифицирован как «офицер #26», но он знал, что это она. Вольф тоже хочет встретиться в одиннадцать пятнадцать на Мокотовском поле. Нет, не хочет – Вольф встретится в одиннадцать пятнадцать на Мокотовском поле. А это через полчаса!

Харпад почти протрезвел. Мало времени.

На столе он нашел бутерброд и записку о коктейле в холодильнике. Мокрое полотенце лежало на стуле, ванна была запотевшей. Он унюхал слабый аромат парфюма. Это наводило на мысль о чем-то прекрасном и возбуждающем. Он пожалел, что так мало помнит о минувшей ночи.

После холодного душа он почувствовал себя лучше. В лифте вызвал машину из подземного гаража и через несколько минут уже ехал по проспекту Святого Иоанна Павла II. Он перевел автопилот в комфортный режим, которым никогда раньше не пользовался. Лучше прибыть на две минуты позже, чем чтобы его стошнило на следующем повороте.

После Перемен поворотов стало больше. Система улиц была растянута, словно резиновая. Это было сделано для частичного выравнивания русла Вислы, чтобы она могла создать замкнутый контур, и спасения ценных городских районов. Местами это особенно бросалось в глаза – ровные в прошлом улицы стали извилистыми. Самым большим изменением было расположение урезанного Урсуса над Ломянками и под Урсыновом. Однако это никого не беспокоило, потому что никто не помнил, как было раньше.

Он вышел на Батория и отослал Триумф на ближайшую парковку. День был невыносимо солнечным. Высоко над кронами вековых тополей из туманной синевы появлялась вертикальная, геометрическая сетка улиц Мокотова.

Он ступил на газон между варшавян, желающих провести полдень в самом большом городском парке. Мокотовское поле тянулось вверх аж до Вавельской. От запада поднимались многоуровневые висячие сады. На расстоянии все это напоминало увеличенную в миллион раз пемзу, но по мере приближения проявлялась их сложная, упорядоченная структура. Десятиметровые платформы соединялись узкими переходами. Десять, а может и двенадцать уровней – трудно сказать, поскольку высота платформ меняется рандомно, управляемая центральной системой парка, – поднимались вверх и падали со скоростью несколько десятков сантиметров в час. Снизу они были покрыты эмиттерами дневного света, поэтому даже под ним было достаточно светло.

Харпад сновал по нулевому уровню, ожидая сообщения от Вольфа и борясь с желанием прилечь на травку в тени, как обычный бомж. Пять минут в запасе. Он жаждал отправить сообщение Марысе – хотел извиниться за вчерашнее, объяснить необъяснимое и пообещать звезду с небес через две недели. Вместе с отрезвлением начинался долгий этап ожидания следующего праздника встречи с дочерью. Но он ничего не написал. Это только разозлит Ренату, она точно читает корреспонденцию Марыси. Молчание суки, которую еще год назад он считал женщиной своей жизни, было более красноречивым, чем обычный поток оскорблений.

Запиликал коммуникатор. Сообщение от Вольфа с точным местом встречи. Анимационная карта на экране коммуникатора привела его к одному из входов на подземную парковку.

Безопасно можно разговаривать только в акустически и электромагнитно изолированном пространстве, например, в салоне соответствующим образом защищенного лимузина, убрав коммуникаторы в дискретор.

Он спустился на лифте, спрятанном в стволе искусственного дуба. Черный Олдсмобиль Вольфа он узнал сразу. Машина выступала за линию парковочного места. На заднее крыло опирался Бульдог. Он игрался с эластомерной головоломкой. Заметив Харпада, он спрятал игрушку в карман и кивком головы указал на задние двери. Они остановились напротив зеркального окна, и охранник прошептал несколько слов в манжету. Харпад терпеливо ждал – стучать не имело смысла, поскольку салон изолирован. Через мгновение двери открылись. Харпад, почувствовав, как душа ушла в пятки, сел в машину. В свете отложенного на сиденье коммуникатора он успел заметить профиль мужчины. Острые черты лица. Темнота поглотила салон. Он ждал.

– Создаешь проблемы, – отозвался хищный голос.

Нюхач сглотнул слюну. Мужчина наклонился к нему. Из-за расстегнутого ворота рубашки выскользнула серебряная цепочка с колечком, на котором ничего не висело. Когда Харпад шел сюда, то повторял себе, что в этот раз его не запугают. Однако сейчас, когда он сидел в темноте напротив этого человека, пульс его странным образом участился, а ладони вспотели.

– Поздно лег спать... – Когда он начал это говорить, то понял, что имелось в виду совсем другое. – Я должен лично встретиться с объектом, то есть с клиентом. Иначе не смогу найти его профиль.

Минута тяжелого молчания.

– Что от тебя хотела полиция?

Сколько можно сказать? Сколько им известно?

– Была авария, – он прощупывал почву. – Говорят, кто-то манипулировал с противоаварийной системой.

– Я спрашиваю, что от тебя хотела полиция.

Значит, им известно больше.

– Отвезли меня в комиссариат и держали несколько часов, – он притворился, что передает хронологию. – Потом сказали, что хотят использовать мои способности, – нужно рассказать про визит к тому коновалу, – делали какие-то обследования. Я не знаю, какие именно. О вас я не говорил! Их интересует что-то другое.

– Что?

– Чей-то ПО. Не знаю чей.

– Когда узнаешь?

– Сегодня хотят встретиться. Может узнаю. Это никак не связано с вами.

Вообще-то связано. Для таких людей, как Вольф, связь всегда существует. Информация является потенциальным доходом, потому что ее можно продать, хотя бы тому самому политику.

– Проверь этого человека, – перед носом Харпада появился экран с изображением головы мужчины пятидесяти лет. Седые волосы, толстая шея, интеллигентное выражение лица. Харпаду он показался знакомым. – Встретишь его через пятнадцать минут, тут. – Коммуникатор нюхача запиликал, получив данные с местом встречи. – Сделаешь так, чтобы он не понял, что ты там из-за него. Ну, иди, у тебя мало времени.

– Я должен обменяться с ним несколькими словами, – сказал нюхач. – Без этого не смогу...

– Ты не скажешь ему ни слова. Как будешь знать его ПО, вернешься сюда.

Двери открылись. Харпад кивнул и вышел.

– Установи это, – сказал Бульдог. – Теперь ты используешь коммуникатор только для установления места и времени встречи. Все остальное с глазу на глаз.

До того как Харпад успел спросить, что ему нужно установить, коммуникатор пикинул. Он посмотрел на экран. Программа, удаляющая архив сообщений. Только от Вольфа. Он запустил ее уже в лифте. «Каждое сообщение ты сможешь прочитать только раз», – таким, по крайней мере, было сообщение, появившееся на экране и сразу же исчезнувшее. «Даже это». Программа не следовала стандартам, потому что начала работу по удалению всей корреспонденции от Вольфа, не спрашивая разрешения.

Он поглядывал на экран и, лавируя между посетителями, подошел к следующему лифту, курсирующему между движимыми платформами. Если посмотреть вверх через стеклянную крышу лифта, то было видно, как спроектирован парк. Проекция уровней висячих садов Моковтоского поля давала шестиугольную закономерность кристаллической решетки, где вершины шестиугольника являлись центром платформ. Хаос многоуровневого пространственного расположения вернулся, когда Харпад вышел на шестом уровне. Аллейка посреди папоротника, можжевельника и сосен шла к центральной площади с лавками и маленьким фонтаном. Он снова посмотрел на экран. Несколько злотево перешло к владельцам парка. Место встречи находилось где-то тут, и до него осталось секунд десять... Он поднял глаза и увидел идущего в его сторону мужчину с фотографии и женщину. Он удивленно остановился. Мужчина удостоил его мимолетным взглядом и отошел в сторону, не прерывая разговора. Нюхач встряхнулся и понял, что его так удивило. Мужчину звали Вальдемар Крушевский, депутат, часто мелькающий в новостях. На официальных мероприятиях его всегда сопровождала жена, но сейчас это была другая женщина. Ассистентка? Журналистка? Депутат встречается со многими людьми. Такие, как он, привыкли к любопытным взглядам – он уже забыл про нюхача.

Харпад проводил их взглядом. По слегка поднимающемуся помосту они перешли на платформу с плакучими ивами. Ветки живописно опускались на низший уровень. Пара исчезла в тени деревьев. Откуда Вольф знал точное время и место нахождения политика? Кто он? Какова его цель? Харпад задумался, хочет ли он знать ответы.

Он выбрал лавку в заросшем закутке платформы и уселся на ней, притворяясь, что подставляет лицо Несолнцу, а конкретно лампам верхней платформы. Он закрыл глаза, нажал на уплотнение за ухом и вошел в транс. Вздрыгнул, когда появился красный профиль депутата Крушевского. Не пришлось его искать, он сразу оказался в нужном месте. Все-таки возможно найти профиль без взаимодействия с объектом. Или это работает только с публичными людьми?

В этот раз профиль был сложной пространственной структурой, послушной мыслям нюхача. Он убедился в этом, когда его немой вопрос о женщине привел к появлению блока-элемента, соединенного с нитями. Он знал, что на конце каждой нити, без необходимости следовать за ней. Элиза Струминская, ассистентка депутата. На большинстве блоков разной формы, из которых складывался профиль, Харпад не заметил никаких надписей. Просто знал, какую информацию содержит каждый блок. Он выбрал тот, что с показателем ПО. Сто тридцать три. Не поверил, проверил снова. Сто тридцать три. Самый большой показатель, который он видел. За всю свою карьеру он встретил несколько человек, которые незначительно превысили сотню. До вчерашнего дня. После встречи в зоопарке результаты подпрыгнули вверх. Вот что называется связаться с плохой компанией.

Красным был не только профиль, но и пространство вокруг. Несмотря на цвет, воздух оставался прозрачным, что противоречило законам оптики в реальном мире. Рядом проносились другие профили, также красные, с отходящими от них красными нитями. Он знал, кому они принадлежат. В этом мире Харпад был бестелесным, но окружающая среда поддавалась ему. Он коснулся, не касаясь, блока с записью «сто тридцать три» и неожиданно оказался в другом месте, за пределами профиля. Тут не было цветов, не было ничего, что он смог бы назвать.

Пузырь впечатлений без дефиниций, без образов, без измерений. Другой уровень структуры g.A.I.a. Он попал внутрь машины, рассчитывающей пункты. Он понимал все, на чем сосредотачивал внимание, но не мог охватить целостности. Сложность g.A.I.a. превосходила познавательные способности его белкового мозга. Осознание было таким внезапным, что он даже не успел удивиться.

Харпад быстро отступил между угловыми профилями, переваривая новые знания. То, что он пережил минуту назад, напоминало сон, который после себя оставил эмоции, хотя сюжет его превратился в туман. Он схватил и силой воли притянул к себе единственное, что запомнил. Это была цифра сто тридцать семь. Второй порог ПО. Тот, после которого человек исчезает и никогда не возвращается.

Он увидел шкалу ПО, а конкретно две критические точки. Подумал, что является единственным человеком, который знает второй порог. Однако сильнее оказалось впечатление после короткого визита в пузырь – он давал представление о сложности g.A.I.a. И ведь это не ее сердце, а всего лишь второй слой оболочки.

Вдруг Харпад ощутил, что тут кто-то есть. Он следил за ним издалека, оставаясь в тени.

Харпад огляделся в знакомом измененном пространстве профилей первого, самого неглубокого слоя, который он считал раньше единственным. В какой-то степени он контролировал его, по крайней мере, управлял образом, который попадал в его сознание. Он попытался отгадать, где спрятался таинственный наблюдатель, но ощущение стремительно стало угасать и через минуту он снова остался один. Может, это только иллюзия? Никто ведь не проектировал эти угловые, блочные, движимые профили; никто не сплетал нити между ними. Это только игра воображения, каких-то спонтанных интерфейсов, которые появились между ним и g.A.I.a.

Он потянулся за одной из нитей возле записи депутата, странно знакомой. Потянул за нее и получил две информации: запись принадлежит ему и его показатель ПО равен нулю. Нулю. Он опешил.

Нет такого показателя ПО.

Он очнулся. Не понимал, где находится. Лишь через мгновение до него дошло, что он сидит на лавочке в парке. Харпад выглядел, наверное, действительно плохо, потому что проходившая мимо женщина ускорила шаг.

Он быстро дышал, под впечатлением случайного открытия. Парковая платформа Моковтского поля медленно становилась реальной, более реальной, чем внутренности g.A.I.a. Он никогда не проверял себя. Знал, что если начнет, то не сможет остановиться. Это одна из причин, почему ПО оставался тайной. Знание показателя сильно повлияет на это значение – обратная связь. Харпад был уверен, что ему далеко до сотни, но чтобы ноль? Столько у ребенка в минуту рождения. Счетчик стартует где-то между вторым или третьим годом жизни, когда сформировалось сознание. Самые низкие результаты, которые он видел у взрослых, никогда не были ниже пятидесяти.

Он поднялся и двинулся к лифту. Все вокруг казалось ненастоящим, как будто он был на съемочной площадке. Ощущения и контроль над телом начали возвращаться, когда он внезапно упал. Кто-то помог ему подняться, но когда он встал, хватка человека не ослабла. Его потянули в кусты, он снова чуть не упал, чувствуя себя, как пьяный. Его противник, не отличавшийся большой силой, пытался его обездвигнуть, при этом удерживая в вертикальном положении. Но эти цели противоречат друг другу, поэтому Харпад смог вырваться.

– Ты обычный мошенник! – выкрикнула Юдита. – Псевдонюхач, как и другие. Только умнее, лучше играешь, но все равно мошенник.

Они были в низком гроте, созданном кронами ив. Ствол был столбом, поддерживающим ажурный свод. Он видел красное от злости лицо девушки в движимых тенях и сиянии просвечивающего сквозь листву Несолнца.

– У тебя нет в голове никакого чипа, – гневно шипела она. – У тебя там ничего нет! – она ткнула пальцем в его висок.

Она отступила на шаг.

– Есть сзади, – он прикоснулся к месту за правым ухом. – Тут. Включатель тут. Нажимаю на него и вхожу...

– У тебя там хрящик. Может, нарост. Даже без нервов.

Харпад пощупал подушечками пальцев утолщение за ухом.

– Это включатель, – сказал он менее уверенно. – Необходимый...

– Он ни для чего не служит. Как родинка на заднице. – Юдита покачала головой. – Откуда ты здесь взялся?

– Жил себе спокойно, – Харпад медленно начал злиться. – Вчера ты вторглась в мою жизнь. Я ничего не хотел. И тем более того, что сейчас происходит.

– Святой нашелся! Мы вышли на тебя не без причины. Ты грызешься с бывшей женой за ребенка. Сразу почувствовал свой шанс. Прикидывался только, чтобы больше выторговать.

Внезапно, иррационально, совершенно без повода, он схватил ее, притянул к себе и поцеловал. Ошарашенная, она пыталась вырваться, но у нее не слишком получалось.

– Извини. – Он отскочил от нее и спрятал руки за спину. – После транса какое-то время я сам не свой.

– Какой транс? – Она вытерла губы рукавом. – Все считают тебя мошенником.

Он стал рассказывать о ней все, что узнал, сам удивленный объемом этих знаний: имя, медицинские данные, состояние счета, а потом имена двух парней, с которыми встречалась в лицее и в институте. Когда он дошел до списка вчерашних покупок, замолчал.

Она с ужасом смотрела на него.

– Откуда ты это знаешь? – тихо спросила она.

– Из g.A.I.a., – спокойно ответил он. – Для этого вы меня схватили. Я нашел этого человека, это депутат Крушевский. Его ПО сто тридцать три. До Элиминации ему не хватает четырех пунктов. Вы этого от меня хотели, правда? Сто тридцать семь – это второй порог. Вы все уже знаете. Так теперь дадите мне сраный покой, – он непроизвольно повысил голос, – и мой сраный сертификат идеального папаши?

Злость быстро отступала. Юдита выглядела так, словно с чем-то боролась и сдерживала силы. Она коснулась его руки, потом отдернула свою ладонь и сказала:

– Может, ты и говоришь правду, а может, просто умный мошенник. Сегодня дело разрешится, а свою оплату получишь после всего.

– После чего всего?

– После того, как Крушевский перейдет второй порог и исчезнет в Элиминации.

Она раздвинула ветки и вышла из грота. Налетел легкий ветерок. Ошеломленный Харпад стоял среди движущихся теней, отбрасываемых ветвями ив. Внутренность кольца была достаточно обширной, чтобы тут появился неожиданный порыв ветра. Никто не знал его причин. Это была сумма абсолютно не предвидимых явлений, которые превращали прогноз погоды в лотерею. Через минуту ветер стих. Нюхач выбрался на свет. Юдиты нигде не было, поэтому он пошел к лифту. Двери лимузина открылись сразу. Он сел, находясь все еще в полусне.

– Сто тридцать три, – кинул он во мрак.

Щелкнул металл. Свет от зажигалки на мгновение вырвал из темноты острые черты лица. Салон наполнился дымом сигары.

– Ненавидишь ее.

Харпад сообразил, что тот говорит про бывшую жену. Он кивнул.

– Да, – тут же добавил он, поняв, что в темноте не видно жестов. – Она забрала у меня дочь.

– Мы помогаем друзьям. Если сделаешь то, что прикажу, твои проблемы исчезнут.

– Ты хочешь ее... убить?

– Твои проблемы исчезнут, – повторил Вольф. – Выполнишь задание, и Мария будет расти в безопасности. С тобой.

Харпад облизал пересохшие губы. Каждое упоминание о Марысе в устах этого человека звучало как угроза.

– В чем состоит задание?

– Снизь ПО депутата Крушевского до девяноста.

– Это... невозможно.

В темноте загорелся оранжевый огонек.

– У тебя есть время до полдевятого.

Двери открылись с тихим шипением. Харпад, не прощаясь, вышел на парковку. Не оглядываясь, дошел до лифта. Он ни на грамм не сомневался, что если не выполнит задание, то сам исчезнет. Он знал, что не сможет этого сделать. ПО нельзя изменить.

Ему осталось несколько дней жизни. Он больше никогда не увидит дочь.

Нет, все не так просто. В жизни всегда есть третий путь. И четвертый, и пятый... Этот разговор служил для передачи невысказанной угрозы, с завуалированным вторым смыслом, касающимся Марыси. «Будет расти в безопасности». Если он выполнит задание.

Это напомнило ему старый мультфильм: селезня Даффи разбойник заставлял снести золотое яйцо. Даффи хорошо знал, что не может снести яйцо, тем более золотое. Но тянул время, обманывал и разводил на дорогие безделушки, которые якобы помогали ему сосредоточиться. Тянуть время... в этой ситуации это невозможно. По какой-то причине все хотели уладить свои дела до полдевятого. И тогда до него дошло: или Вольф, или Юдита. Вольф хотел понизить ПО депутата, Юдите, то есть ее заговорщикам, нужно, чтобы депутат переступил второй порог. Противоречие. Откажет Вольфу – погибнет, выполнит его задание – выживет, но дочь не увидит, поскольку Юдита запрячет его в тюрьму за преступления по целой куче статей, о которых он даже не знал.

Он стоял на Батория и только сейчас понял, что не вызвал машину. Коснулся экрана коммуникатора. Проверил, есть ли какие-нибудь данные, что будет делать Крушевский в восемь тридцать. Оказывается, с семи до восьми его ждали дебаты в Совете. Что он может сделать через полчаса? С двумя шлюхами занюхивать белую дорожку в отельном номере?

В ожидании машины он рассматривал людей. Семья садилась в автотакс – автоматическое такси. На Мокотовском поле, может, и не было так заметно, но статистические семьи появлялись все реже. Часто выбиралась независимость, словно в ожидании, что эти странные времена пройдут. Но они не пройдут, Кольца никуда не долетят. Крутятся по кругу на солнечной карусели. Чертовом колесе. Четки городов нанизаны на гравитационную нить. Скорость вращения выбрана так, чтобы имитировать гравитацию, время вращения вокруг Солнца идентично старому земному году. Отсюда не убежать. Нельзя даже забрать Марысю и переехать в другой город. Процедуру эмиграции усложнили настолько, чтобы у желающих сразу пропадала охота в это лезть. Для отказа достаточно мелочи, а разбитая семья – это больше, чем мелочь. Он будет тут кружиться. Живой или мертвый.

Харпад упал в кресло Триумфа и включил автопилот. У него не было сил вести машину, не было сил задать даже маршрут: он коснулся случайного пункта на карте и просто смотрел в окно. Погода резко изменилась. Ряд одинаковых небоскребов вдоль проспекта Святого Иоанна Павла II размывались дождем где-то на пятидесятом уровне. Триумф медленно ехал по серому каньону рядом с другими серыми машинами. Сбоку время от времени мелькал автодост. На тротуарах серели накрытые зонтами и пленкой прилавки, продававшие вареники и гамбургеры, дальше мелькали серые люди, едва видимые в струях льющейся сверху воды. Даже огни реклам казались серыми.

Тогда он подумал о ней. После расставания с женой он кинулся в вихрь любовных романов, если романами можно назвать ночные приключения, после которых хотя бы одна из сторон была смущена своей вечерней слабостью и хотела только как можно быстрее обо всем забыть. С ней было по-другому. Несмотря на его очередные попойки, она хотела встретиться снова, и он даже не думал ей отказывать.

Новый старт? Новая жизнь?

Только бы не облажаться. Попытаться хоть раз на трезвую голову.

Он нашел в коммуникаторе ее номер и отправил сообщение: «Пообедаешь со мной?».

Ответ пришел через минуту. Адрес ресторана.

Харпад глубоко вздохнул. Только бы не облажаться.

V

– Почему именно тут?

Надвислянский бульвар, район Старого города.

– Смена обстановки. Что-то новое, чтобы привлечь внимание.

– Нет времени на такую ерунду.

– Просто поверьте мне, я все спланировал.

Иоахим Велицкий не был в этом уверен. Высокий и седовласый, он медленно шел, засунув руки в карманы элегантного темно-серого костюма, и обводил взглядом противоположный берег Вислы, заросший деревьями, хмурые блоки многоэтажек порта Праги и вполтину ниже офисные центры Повисле. Он не обладал большим терпением. Костюм Сильвестра Солинского, идущего на полшага позади шефа, был на класс хуже. Молодой секретарь весь вспотел, несмотря на царившую прохладу вокруг – виной тому был лишний вес. Воздух дополнительно охлаждался водой, омывавшей ступени бетонной лестницы в нескольких шагах от них, но это его не спасало.

Велицкий тайком поглядывал на прохожих, хотя телохранители, идущие следом на расстоянии трех шагов, знали свою работу. Вскоре люди стали перебираться в рестораны, расположенные в стеклянных павильонах, и в крытые альтанки. Облако уплотнялось, предвещая дождь.

Будет замечательно, если в ближайшие минут пятнадцать он не начнется.

– Там, – Сильвестр с облегчением показал на тощего мужчину в куртке с логотипом Седьмого канала. Он стоял на фоне Гданьского моста и копошился в сумке, перекинутой через плечо.

Мужчины ускорились. Присутствие телохранителей, к сожалению, привлекало внимание прохожих, и они узнавали Велицкого. Ситуация казалась странной, но он доверял своему секретарю. Естественно, в пределах разумного.

Репортер поздоровался, пожал руку и, не глядя ему в глаза, невнятно представился. Велицкий ничего не разобрал, но, честно говоря, это его не волновало. Он хотел, чтобы все побыстрее закончилось. Репортер вытащил из сумки двадцатисантиметровый дрон с камерой и легко подкинул его. Машина, несмотря на ощутимый ветер, неподвижно зависла в трех метрах над землей. Четыре независимых винта на корпусе подрагивали, реагируя на порывы ветра.

– Можем потихоньку начинать, – сказал репортер, однако продолжал возиться с пультом камеры, глядя в экран коммуникатора. – Сейчас-сейчас...

Велицкий разглядывал его с легким нетерпением. У него складывалась мнение, что мужчина чего-то ждет, словно тянет время. Он глянул на Сильвестра, тот тоже выглядел взволнованным, озираясь по сторонам.

– Долго еще? – Велицкий пытался успокоиться.

– Почти, почти... – Репортер возился с телескопическими опорами, крепившимися на толстых ремнях, после чего занялся регулировкой ремней виртуальных очков. Он вел себя так, как будто делал это впервые. Когда он их надел и доверил свое равновесие держателям, перешел к проверке мобильности дрона. Сделал несколько мелких маневров.

Велицкий громко выдохнул. Они зря тратили время. Между деревьями парка, что отделил бульвар от Вислострады, загавкала собака, проехали два велосипедиста. Где-то сзади послышался всплеск, словно кто-то бросил камень.

– Можем начинать, – неожиданно живой голос репортера уже доносился из динамиков мини-коптера. – Сегодня мы будем беседовать с...

Однако, до того как он успел сказать что-то еще, раздался женский крик. Все резко обернулись. Стоящая по щиколотку в воде женщина драматическим жестом показывала на реку.

Что-то уносило течением, и Велицкий понял, что именно. Он быстро посмотрел на камеру, на удивленных прохожих, наконец на секретаря, который едва заметно кивнул головой. Велицкий сорвал с себя пиджак и кинул его Сильвестру. Несколько шагов – и он уже был у воды. Хотел прыгнуть с последней ступеньки, но передумал – дно могло быть каменистым. Он зашел в холодную воду по пояс и затем быстро поплыл к торчащей из воды голове ребенка. Он видел, что это девочка, но не мог понять, сколько ей лет. Тут течение было слабее, и его сносило к берегу, в то время как ребенок продолжал отдаляться. Велицкий стиснул зубы и загреб сильнее, благословляя регулярные тренировки, несмотря на напряженный график и жалобы сотрудников. Он понял, что следовало пробежать несколько метров по берегу, опередив ребенка, и только тогда прыгать в воду. Его захватили эмоции. Растущая группа зевак быстрым шагом шла вдоль берега. Кто-то что-то кричал, кто-то что-то ему советовал, но он не разбирал слов. В нескольких метрах над ним висел дрон. Мужчина с трудом преодолел течение, приблизившись к девочке. Малышка умела плавать, потому что ни разу не ушла под воду. Только тогда у Велицкого возник вопрос – почему никто из телохранителей не прыгнул за ним. В конце концов, их всесторонние и интенсивные тренировки должны включать плавание. Ближе к правому берегу пришвартовалась моторка. Кто-то на ней был, но он не спешил на помощь. Что-то тут не так.

Когда до цели оставалось около трех метров, он почувствовал боль перенапряженных мышц, известную с тренажерки. Знал, что не выдержит такой темп, поэтому перевернулся на спину, чтобы немного расслабить мышцы плеч. Заметил телохранителей и Сильвестра, идущих вдоль берега вместе с другими. Репортер сложил подпорки и шел чуть дальше с открытым объективом. Какой-то мужчина в оранжевом спортивном костюме решил помочь. Он снял куртку и наклонился, чтобы развязать шнурки. Мгновенно два телохранителя незаметно, но решительно перегородили ему дорогу к воде. Во взгляде мужчины читалось удивление, но вместе с тем облегчение от того, что не нужно прыгать. Велицкий наблюдал за этим несколько секунд, улавливая мгновения между брызгами воды, заливавшей ему лицо. Он снова перевернулся и поплыл кролем, уменьшая дистанцию на следующие два метра.

Малышке было лет девять. Она явно перепугалась, но не паниковала. Девочка повернула и быстро подплыла к мужчине, чтобы облегчить ему задачу. Он не знал, как должен ее ухватить, ему никогда не доводилось проходить курсы спасателей. Велицкий перевернул ее и прижал спиной к своей груди. С облегчением понял, что девочка не дергается и даже помогает ему ногами – она действительно очень хорошо умела плавать. Медленно он поплыл к берегу. Когда почувствовал под ногами дно, встал в воде по пояс и взял малышку на руки. Он настолько ослаб, что не мог ее нормально держать. Выходя на берег на дрожащих ногах, он не то нес, не то волок ее по воде. Лишь сейчас кто-то решил ему помочь, но только тем, что поддержал его под руку, чтобы именно Велицкий вынес малышку на бетонный берег. Он посадил ее, а сам опустился на колени рядом. Сил встать не было.

Раздались аплодисменты, кто-то кричал о героизме. Что-то тут не сходилось. Велицкий под кофтой девочки нащупал нетипичное уплотнение. Надутый на одну треть спасательный жилет для бассейна. Какая-то женщина, пропущенная телохранителями, наверное мать, кинулась к ребенку и крепко обняла ее. Одновременно она незаметным движением прикрыла край жилета. Откинула со лба малышки волосы и поцеловала.

– Живая! – она обняла девочку еще раз. Велицкий понял, что это та самая кричавшая женщина. Она тихо шепнула ребенку, что следует сказать.

Малышка посмотрела на своего спасителя.

– Спасибо вам, господин мэр, – выдавила она, стуча зубами.

– Ну, дальше... – поощряла ее мама.

Девочка неуверенно села и обняла Велицкого за шею. Она дрожала. Он огляделся в поисках того, чем можно ее укрыть. Солинский подал его пиджак. Мэр засомневался. Телохранители удерживали любопытных на расстоянии, чтобы они не попали в кадр дрона.

Он все понял.

Взял пиджак и накинул на плечи малышки, которая сразу же замоталась в большой для нее кусок ткани. Они услышали сирену скорой помощи.

– Поздравляю с проявленным мужеством и присутствием духа, господин мэр, – произнес кто-то театральным тоном.

Он пожал несколько рук, телохранители помогли ему подняться.

– Пиджак остается, – шепнул ему на ухо Сильвестр.

Они подвели его к «бьюику», приближавшемуся по газону. Седые волосы облепили череп Велицкого. Он едва шел в сопровождении камер дрона. Телохранители помогли ему сесть в машину. Сильвестр принес из багажника полотенце, махровый халат и тапочки, мэр стал переодеваться.

– Дай мне что-то, чем можно согреться, и рассказывай, что все это значит, – потребовал он.

Сильвестр, сидящий напротив мэра, спиной к водителю, еще минуту сохранял каменное выражение лица, а затем широко улыбнулся. Велицкий фыркнул.

– Не говори, я и так все понял.

Секретарь открыл крышку термоса и вручил шефу кружку чая с ромом. Машина медленно тронулась.

– Кто еще знает? – тихо спросил Велицкий. Телохранители сидели в кабине водителя и не могли слышать их разговор. Однако они знали обо всем заранее, поэтому и не пришли ему на выручку.

– Кроме них? – Сильвестр указал пальцем за спину. – Мой доверенный человек, репортер и мать. Не знаю, что она сказала девочке, но она показалась рассудительной, когда я с ней рассчитывался.

– Какая мать бросила бы своего ребенка в воду за деньги?

– Отчаявшаяся. Их должны были выселить. А малышка с двух лет каждый день занимается плаванием.

– Ну и у нее был спасательный жилет.

– Я запретил... – Сильвестр фыркнул. – Она спрашивала об этом. Я запретил.

– Надеюсь, никто не заметил. У тебя, похоже, были сомнения в моих актерских способностях, – он похлопал секретаря по плечу. Слишком сильно для дружеского похлопывания, больше похоже на осуждение, так, по крайней мере, понял секретарь.

– ПО упал на несколько пунктов, зато рейтинг подскочил, – сказал он очевидную вещь.

– Не забывай, что основное – это ПО. Без него остальное не имеет смысла. – Мэр вздохнул и наконец-то перестал дрожать. – Я бы чувствовал себя ужасно, если бы уничтожил костюм от Вистули и туфли от Кельмана ради спасения случайной соплячки. Это всегда рискованное дело.

– Я ведь знаю, что вы плаваете два раза в неделю. Сам составляю ваш график. Телохранители прыгнули бы за вами, если бы что-то пошло не так. В запасе у нас еще была моторка с человеком, который кое-что должен мне.

– Охренеть, – выдохнул Велицкий и протянул кружку. – Долей.

– Сейчас вам нужнее это, – Сильвестр вытащил из бардачка изотонический напиток.

Велицкий неохотно открыл бутылку и сделал глоток. Кивнул и задумался.

– Неплохо придумано, – признал он. – Идеальный ход. Зdoneк этого не перебьет. У этого педика брюхо еще больше, чем у тебя. И еще он должен будет меня поздравить. Словно я

уже выиграл. Остальную часть дня я свободен, мое отсутствие дополнительно накинёт пару пунктов к рейтингу!

– Это гипервентиляция. Вы должны поспать, а к пяти уже нужно быть в форме, у нас визит в госпиталь на Сольцу. – Мэр вопросительно посмотрел на него, и Сильвестр пояснил: – Вы проведаете спасенную Миранду Кавалец. Коробка конфет и цветы уже в багажнике, – он многозначительно подмигнул. – В семь дебаты. Если вы их пропустите, будет весьма неплохо. Те двое будут грызться между собой, а вы останетесь великим отсутствующим.

– Нет, на дебатах я должен быть, – мэр похлопал секретаря по плечу, в этот раз мягко и с признательностью. – Но устроишь мне еще раз что-то подобное... Не спущу.

* * *

Он сам не знал, приснилось ли ему это.

Китайский ресторанчик вонял горелым маслом и приправами, но он не собирался жаловаться. Темные ширмы между столиками создавали приватную обстановку.

Она не подходила этому месту. На ней красовался элегантный серый костюм, сшитый для встреч в бизнес-кругах. Безупречная прическа свидетельствовала о том, что она является ассистенткой высокопоставленного лица или, может, сама является этим высокопоставленным лицом.

Он решил не спрашивать ее о работе, чтобы своей навязчивостью ничего не испортить. В этом он был хорош – в порче вещей, которые, казалось, нельзя повредить.

– Выглядишь лучше, чем утром, когда я уходила, – улыбнулась она.

– Вчера я немного перестарался. Немного... – он не успел закончить из-за подошедшего к их столику официанта.

Она заказала курицу генерала Тсо, Харпад благоразумно только любимые сайгонки. Он пока не доверял желудку.

– После такого количества алкоголя из человека лезет все, – сказала она с усмешкой. – Ты не представляешь, кем могут оказаться некоторые люди.

Нюхач задумался над ответом.

– У меня есть дочь...

– Я не об этом, – она покачала головой. – Из людей лезут чудовища. Они сначала кажутся милыми, приятными, а потом превращаются в кого-то абсолютно другого. В тебе нет чудовища.

– Ты не знаешь меня... – Он замолчал, снова не в состоянии найти подходящие слова.

Она выручила его.

– Я уже узнала тебя, поверь, – придержала его руку и посмотрела в глаза.

Он смутился. За последние двадцать четыре часа столько всего произошло. Может ли он полностью доверять своему суждению о реальности? Он симпатичный? Возможно ли, что в нем заинтересована девушка, которая могла бы иметь любого?

На столе появились заказанные блюда. Есть время подумать. Харпад ел медленно, механически, обмениваясь с ней взглядами. Сайгонка выскользнула из палочек, а девушка улыбнулась, видя, как он пытается замаскировать неуклюжесть. Может быть, это ей нужно? Кто-то, для кого она будет центром Вселенной? Он знал, как это работает, уже проходил через это. Влюбленный по уши, он не видел чудовище, выходящее из матери его ребенка. Поэтому последний год совместной жизни он жил с чудовищем, которое ее сожрало. От его Ренаты не осталось ничего.

Последняя сайгонка, последняя мысль. Как выяснить, носит ли кто-то в себе чудовище?

Он ждал, пока она закончит есть, и затем спросил:

– Что бы ты сделала в безвыходной ситуации? У тебя есть два демона, и каждый что-то от тебя хочет. Ты не можешь сделать обе вещи, потому что они противоречат друг другу. Или

одно, или другое. У тебя есть выбор. Если подведешь первого демона, он убьет тебя, а если не тебя, то кого-то близкого. самого близкого. Если подведешь второго, тот сделает так, что ты никогда больше не увидишь своего близкого.

– Прежде всего надо выжить. – Она снова взяла его за руку. – А близкий тебе человек будет жить, даже если ты не будешь его видеть. Мир не исчезает, когда ты закрываешь глаза.

Она была права, он сам это знал. Но только когда услышал из ее уст, понял, что уже знает ответ. Эта девушка может упорядочивать хаос, а не приумножать его.

В машине она сама постучала пальцем по автопилоту. Финансовый район. Это рядом.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – спросила она.

Вечером. Отдаленная перспектива.

– Не решил еще... А ты?

– Ужинаю с тобой, – улыбнулась она. – При свечах.

– Сегодня у меня будет тяжелый день. – Харпад произнес это и тут же почувствовал, что хочет снова увидеть ее, как можно быстрее.

– Попробуем, – она погладила его по щеке. – По крайней мере попробуем.

* * *

Над Гроховом поднималось черное зарево. Исчезала иллюзия голубого неба. Он свернул вправо, большая черная тень двигалась вместе с ним. Гоцлав исчез во время Перемен. Сейчас Грохов граничил с Рембертовом, урезанным наполовину и искаженным случайными модификациями Центра. Во время преобразования здесь городская ткань смялась больше всего. Некоторые улицы не совпадали. Попадались дома, выгнутые под странным углом или перекошенные, как будто пережили тектонические разломы, и они все еще были обитаемыми. Никто не пытался замаскировать шрамы, а может просто не хватило времени. Люди не хотели тут жить, но через несколько лет были вынуждены снова заселить эти районы под давлением демографического взрыва. Почему в плохие времена рождается больше детей?

Триумф остановился в конце узкой Альпийской улицы. Потрескавшийся асфальт порос травой. Харпад вышел и глубоко вдохнул. Тут царил особенный покой, как в костеле, в котором он не был с детства. Необыкновенно ясная, тихая ночь, только небо черное, словно не существовало атмосферы. Он прошел несколько шагов по сорнякам и приложил ладонь к холодной поверхности. Он не знал, из чего она сделана. Скорее всего, это идеальный изолятор, потому что абсолютный холод космоса не проникал через него. Он увидел двойное отражение своей руки во внутреннем и внешнем слоях. Не более десяти сантиметров отделяло его от пустоты. Он придвинул лицо и заслонился руками от фонарей. Маленький, неполный бублик сиял на фоне черного космоса. Кольцо Краков.

Барьер возбуждал в нем первобытный страх. Это конец мира. Хорошее место, чтобы подумать.

Нулевой ПО. Узнав это, уже не так легко забыть. Кто изменил его? Может быть, он сам? Когда? Во сне? А может, его подсознательные желания в зеленых внутренностях g.A.I.a. реализуются так же, как и сознательные поиски. До половины девятого оставалось больше пяти часов. Достаточно, чтобы известить себя.

К счастью, есть она. Девушка с неоновыми красными волосами, терпеливая, заботливая, понимающая. После расставания с женой Харпад пытался сойтись с несколькими женщинами. Ни с одной не вышло, главным образом потому, что он не мог им доверять. Где проходит граница между доверием и наивностью? Ему не с кем посоветоваться. Он один, совершенно один. Человек без друзей.

Но сейчас он хотел попробовать. Действительно хотел. Она где-то там, на работе, занимается своими делами, но хватило короткой встречи и одной ее мудрой фразы, чтобы он захотел попробовать.

Он принял решение. Он изменит ПО, по крайней мере попытается.

Пиликанье коммуникатора и сообщение от Ренаты: «Где Мария?». Он почувствовал, как мурашки пробежали по спине. Ответил знаком вопроса. Через минуту из порции оскорблений выловил информацию: Марыси не было в школе. Кто-то ее забрал, и это была не мать.

Тогда он вспомнил конец мультфильма с Даффи: бандит потерял терпение из-за причуд селезня и приставил к его голове Магнум.

Селезень Даффи снес золотое яйцо.

VI

Связи между Кольцами-городами постепенно исчезали. Каждый был задуман как самостоятельная структура, замкнутый биологический цикл, банка живой консервы. Города-кольца кружились, нанизанные на старую орбиту Земли как четки. Торговля была нематериальной и состояла в обмене лицензиями и моделями для компиляции специализированных продуктов. Цивилизация подвергалась распылению и на культурном уровне. Быть поляком по национальности теперь мало что значило, поскольку патриотизм много лет ограничивался одним Кольцом. Для жителей Вроцлава Силезия означала то же, что и Сиэтл. Даже язык начал отличаться несмотря на общие медиаканалы. Жители Кракова утверждали, что варшавяне говорят слишком быстро и их трудно понять. Жители Познани не понимали гданьский диалект. Информационные каналы транслировали в основном местные новости. Письменность пока оставалась той же, но все требовали реформ. Зато хорошо было межкольцевым корпорациям, которые зарабатывали на продаже технологий и лицензий для компиляции.

Харпад сначала направился в их старую квартиру на Повисле, но по дороге передумал. Через два квартала он поменял пункт назначения. Триумф остановился на обочине и начал отсчитывать еврокопейки за парковку.

Зачем ему встречаться с этой сукой? Чтобы убедить ее, что это не его рук дело? Это бессмысленно. Если бы она действительно его подозревала, то по его следам уже бы шла полиция. Нет, он не поедет к ней. Они только будут орать и обвинять друг друга. Точнее, она будет орать на него. Чудовище, которым она стала, требовало жертву, на которую можно скинуть вину, на которой можно отыграться. Он долго терпел, зная: если уйдет, потеряет Марысю. Наконец Рената выгнала его из дома. Она делала это и раньше, и он всегда возвращался. Вместо извинений – несколько дней без ссор.

Но однажды он не вернулся.

– Что делать? – спросил Харпад у пространства. Составлять заявление в полицию в его случае не имело смысла.

Он вытащил коммуникатор и начал писать сообщение Вольфу. Сразу же удалил его. Зачем еще больше убеждать его в своей слабости. Со злости он ударил кулаком по двери. Хорошо, он сделает это сейчас! Марыся вернется, может даже и не поймет, что вообще случилось. Он поставил коммуникатор на беззвучный режим и затемнил окна.

И тогда вспомнил, что ему сказала Юдита. Он остановил руку на полпути к уху. Нет никакого чипа, никакого переключателя. Так как же он соединяется с g.A.I.a.? Не при помощи же обычного ID-чипа, ведь там записан только цифровой номер. Он положил ладони на колени и закрыл глаза. Ничего. Со злости он коснулся уплотнения, которое не было переключателем. Снова ничего. Он вспотел. Неужели нужна только вера, чтобы зайти? Раньше он не знал, он верил... Внезапно Харпад осознал, что не помнит, чтобы ему что-то имплантировали в голову. Он убедил себя, что имеет специальный чип. Да, в это он мог сейчас поверить. В это – да. Он закрыл глаза и подумал о Марысе.

Число семьдесят восемь было тем, что он сразу же увидел в профиле дочери. От удивления он забыл, где находится и что должен делать. Семьдесят восемь. Сердце внезапно сжалось. Он не хотел этого знать, не имел ни малейшего желания проверять ее ПО. Что-то решило за него. Случайность? Слишком поздно гадать, это уже нельзя отменить.

Внутри g.A.I.a. он не мог ходить, засунуть руки в карман или потереть лицо – ничего из того, что помогло бы ему успокоиться. Даже глаза закрыть не мог. Он попытался сосредоточиться. Семьдесят восемь – много для девочки ее возраста, даже если принять во внимание разбитую семью. Вероятно, показатель подскочил после вчерашних событий, а особенно после

похищения. Сукин сын заплатит за это! Харпад мог игнорировать весь мир, сидя в своей норе, но Марыся была единственным человеком, о котором он беспокоился. Но это потом.

Если можно уменьшить ПО, если только можно... Он сдержался, чтобы не коснуться профиля дочери. Такие тесты лучше проводить на ком-нибудь другом. Он нашел Крушевского. Прогулка по Мокотовскому полю снизила его ПО на одну десятую пункта. У него, должно быть, стальные нервы, если Провокации не удалось толкнуть его дальше.

Харпад рассматривал пространственный блок профиля депутата. То, что он видел, составляло маленькую часть того, что он знал. Картинка была только вступлением к многоуровневой структуре. Уровней было пять, шесть, может больше. Он заглянул в глубь блока с параметром ПО. Связи и механизмы были сотворены его воображением. Элементы тянулись, проникая на более глубокий уровень, куда он не хотел заходить.

Существовала ли защита от подобных манипуляций? До этого времени он только вынюхивал и разглядывал. Ничего не трогал. Может, показатель фигурировал в нескольких местах, данные сравнивались и любое отличие вызывало тревогу? А может, темп изменения был ограничен. Никто ведь не создает угрозу в течение секунды. Пока Харпад рассуждал, цифры незаметно превратились во вращающиеся барабаны, как в старых газовых счетчиках. Он пристомотрелся. Его сознание толкнуло последнюю цифру. Показатель упал на несколько десятых пункта. Он перепугался и отступил. Ничего не произошло. Он подождал еще минуту. Взял себя в руки и одним движением передвинул показатель на девяносто. Отскочил, словно боялся, что блок взорвется. Ничего не взорвалось, ничего не случилось. Только профиль через мгновение стал зеленеть.

Он не верил, что все так просто, без последствий. Стоял там, следя за медленными изменениями блока. Каждый раз, когда он сосредотачивал внимание на каком-то фрагменте, тот рос и обогащался новыми деталями. Показатель ПО оставался неизменным – девяносто. Подсознательно он надеялся, что что-то случится, что появится новый агрессивный элемент внутри системы.

Не дождался.

* * *

Он посмотрел в затемненное окно Триумфа, играя портсигаром. Счетчик парковки дошел до трех золотевро. Он вытащил из кармана коммуникатор и написал: «90. Отпусти ее». С напряжением всматривался в экран. Через минуту пришел ответ: «Никого не держу».

Тогда, сука, кто?! Юдита и ее заговорщики? Он установил случайный пункт назначения на автопилоте. Машина двинулась. Что теперь? Поднять ПО Крушевского до предыдущего показателя? Это может активировать какую-нибудь подпрограмму защиты. Или хотя бы диагностики. Нет стопроцентной уверенности, что Вольф говорит правду. Может, он будет держать Марысю до половины девятого, чтобы проверить, не обманул ли Харпад. А может, малышка просто сбежала из школы с подружками. Он почти написал ей сообщение, но быстро понял, что это бесполезно. Они забрали у нее коммуникатор, иначе похищение не имело бы смысла.

Он уже ни в чем не был уверен. Вольф и заговорщики Юдиты не знали друг о друге, поэтому у них не было причин признавать, что это именно они совершили похищение. Кто бы это ни сделал, он был уверен, что Харпад об этом знает. Однако официально они должны отрицать, чтобы не предоставлять ненужных доказательств. Если бы они знали друг о друге, то появились бы намеки, кому он должен служить. В этом случае невозможно сказать, кто похититель.

Но было еще кое-что – таинственное присутствие, которое он ощутил впервые внутри g.A.I.a незадолго до похищения Марыси.

Ошеломленный этим выводом, он расстегнул ремень безопасности и глубже уселся в кресло. Но ему пришлось снова пристегнуться, когда автопилот собрался съехать на ближайшую парковку. Проблема молота и наковальни вернулась. Не получится удовлетворить обе стороны.

А если бы он нашел другого политика с крайне высоким ПО? Следующее запоздавшее прозрение. Харпад перепрограммировал автопилот на Вейскую, где в старом здании Сейма размещался Варшавский Совет. Парламент Речи Посполитой давно не существовал, с тех пор как города-кольца, входящие в состав Польши, захотели сами принимать законы. Кого волнуют традиции, если после Перемен жизнь усложнилась?

Он вошел в транс, не касаясь уплотнения за ухом. Подумал о Марысе. Внутренности снова закружились. Теперь не он перемещался, а к нему под нос подъезжали профили. Блоки Марысы были с закругленными краями, словно расплавленные – работа воображения. За последние полчаса ее ПО вырос на три пункта. Много, но еще далеко до первого порога. Он проверил нити. Ни одна из них не принадлежала ни Вольфу, ни Юдите. Это еще ничего не доказывало. g.A.I.a. не анализирует состояние реальности, только данные, которые может собрать всеми доступными ей способами. Она не всезнающая, поэтому не всезнающий и Харпад. Жаль, что он не может проверить, где ее держат.

Высунулся следующий блок и прислал ему локализацию. Адрес? Карту? Харпад внезапно узнал, где Марыся. Двенадцатый этаж каменицы на Черняковой. Попасть туда можно без проблем.

Ну приедет он туда и что сделает? Обездвижит горилл Вольфа? Сообщит в полицию? А если ее именно полиция и охраняет? Нет, до двадцати тридцати он не будет ничего делать, иначе может навредить ей.

Он рассматривал фотографию дочери. Красивая. Интересно, как она будет выглядеть через пару лет. В ответ на мысль фотография изменилась. В шестнадцать у нее появится маленький шрам на щеке. Марыся стала старше. Сейчас ей восемнадцать. Красивая, похожа на мать... Под фотографией появилась прокрутка линии жизни. Усилием воли нюхач передвинул ее на двадцать пять. Она выглядела совсем как Рената. Унаследовала ли дочь ее характер? Может, генов для этого недостаточно. Может, для этого она должна встретить кого-то вроде него, этакий катализатор-ключ, чтобы превратиться в чудовище? Может быть, без своего Харпада она останется ангелом. Он передвинул ползунок еще дальше. Внешность изменялась: из девушки она превращалась в зрелую женщину, волосы седали, лицо покрывалось морщинами, наконец, она похудела и исчезла. Время остановилось. Харпад ощутил пронизывающий холод. Он знал точную дату смерти своей дочери. У нее впереди было еще почти пятьдесят лет жизни. Она будет значительно старше, чем он сейчас, но и этого так мало. Чуть не дотянет до шестидесяти...

Он вернул линию жизни в настоящее время. Откуда он знает дату смерти? Откуда этот шрам, который появится через семь лет? Запись не может быть настолько детальной. g.A.I.a не всезнающая. Только если... Но откуда он знает, где держат Марысю? И если он знает где, то почему не знает кто?

Спокойно. Любое необдуманное действие может ей навредить.

Из размышлений его вырвал дождь, барабанивший по крыше. Он пришел в себя, выключил кондиционер и опустил окно. Естественный холод был приятным, даже когда капли попадали в салон. Звуки демонстрации утонули в дожде.

Вольф хотел, чтобы ПО депутата снизился. Однако он не говорил, что он не может потом вырасти. Нет, такие игры точно не вписываются в мышление людей вроде Вольфа.

Харпад стиснул голову руками. Что его толкнуло назвать Юдите фамилию Крушевского? Если бы он тогда знал... Внезапно он вспомнил. Мультик про Даффи имел еще один конец.

Когда Даффи снес золотое яйцо и вздохнул с облегчением, бандит показал ему комнату с кучей коробок, приготовленных для упаковки сотен золотых яиц.

Харпад всматривался в матовое, полное движимых теней стекло. Он понял. Если способности единственного настоящего нюхача уникальные, а значит и дорогостоящие, то не может быть и речи, чтобы все закончилось одним заданием. Вольф предложит ему помощь в поиске дочери – «Мы заботимся о наших друзьях», – а на самом деле будет держать Марысю, обманывая его, что это последнее задание, что еще только один раз, что уже почти все...

Он закурил. Нет, Вольф не будет ее держать. Выпустит сегодня в полдевятого, именно в это время, чтобы Харпад не сомневался, что дочь всегда будет невольным заложником. В это же время заговорщики Талинского узнают, что депутат Крушевский не подлежит Элиминации. В результате несколько ближайших лет Харпад проведет в тюрьме за неуплаченные налоги и за парочку других дел, которые найдут при случае. Там нельзя делать многие вещи, а вынюхивать можно. Поэтому он будет гнить в камере, выполнять задания Вольфа, получаемые с утренней овсянкой. Мать Марыси перестанет получать неформальные алименты или взятки за встречи с дочерью, и ничто не помешает ей воплотить угрозу. Марысю он увидит снова, когда станет стариком, а она – взрослой женщиной. До этого момента она успеет про него забыть, а если и будет что-то чувствовать, то только ненависть, что сочилась из ее матери все эти годы. Скотство!

Он выкинул окурок в окно и вышел под дождь. На высоте нескольких метров медленно проплывал дирижабль с рекламой оранжада «Птысь». В такую погоду эффективность подобной рекламы равна нулю.

Он поднял воротник, но капюшон не доставал. На него падали сжиженные выдохи последнего месяца, испарившийся пот и промышленная влажность. Из этого и состояло Облако.

Альтернатива была значительно проще. Если повысит ПО депутата до предыдущего уровня, Марыся точно умрет. Нельзя съесть конфетку и продолжать держать ее в руках. Промежуточный вариант? Его нет. Между повышением и понижением ПО нет средних значений.

Если нет хороших идей, то, может, пора подумать над плохими? Самая безумная пришла сразу. Талинский скрылся от г.А.І.а. в тюрьме. А если бы... Нет, это сумасбродство, нереально. Харпад не обращал внимания на дождь, стекавший ему за воротник. Идея была дурацкой. Это как спрыгнуть с крыши небоскреба, чтобы проверить, точно ли разобьешься.

Как действует трехуровневая система, называемая гиперпревентивностью, в общих чертах знал каждый, потому что когда-то информация была открытой. Гражданин с показателем ПО ниже ста был под незаметным наблюдением Надзора, то есть главным образом через электронные глаза, уши и анализаторы. Под присмотром находились все, а данные непрерывным потоком стекались в базу данных г.А.І.а. После превышения этого показателя человек становился объектом интересов Провокации. Его предавали серии незаметных тестов, подстроенных ситуаций, в которых гражданин либо набирал, либо терял пункты. В основном терял. Когда показатель ПО пересекал отметку сто тридцать семь, человек исчезал в Элиминации. Как это выглядело на практике? Хороший вопрос. Элиминаторы были парамилитарным формированием, но редко действовали открыто. В большинстве случаев они забирали человека по-тихому, без выбивания дверей или выстрелов в воздух. Очевидно, они вели нормальную жизнь, чтобы никто не заподозрил их участие в этом. Привилегии, получаемые от членства в элитных подразделениях, обеспечивали им достаток.

Харпад потерял жесткую двухдневную щетину на щеках. Куда попадают после Элиминации? В тюрьму? Умирают? Раньше он над этим не задумывался. Только знал, что элиминированные никогда больше не появлялись в городе. Их картотеки в налоговых закрывались, как у умерших, идентификационные номера исчезали из списков. Аннулировались банковские и

почтовые счета, наступала автоматическая процедура передачи наследства. Словом, человек бесследно исчезал.

Идея была безумной – если он обладал возможностью свободного манипулирования ПО, то, чисто теоретически, он мог повысить свой собственный показатель до ста тридцати семи, исчезнуть из полицейских реестров, а потом вернуться, чтобы начать все с чистого листа. Бумажные деньги он мог спрятать, а потом прекрасно на них жить. Если это возможно, если можно пережить Элиминацию, он мог бы безнаказанно послать к чертям Талинского и забыть о Вольфе. Но важнее всего сейчас была судьба Марыси.

В голове гудело от появляющихся альтернатив, любая из которых могла оказаться самой большой ошибкой в его жизни. Итак, по порядку. Он знал, где она. Это уже что-то, но, если он туда поедет, откроет следующую карту: похитители и их заказчик узнают, что он может это сделать.

Дождь внезапно прекратился, закончился, словно кто-то закрутил кран. Харпад поднял глаза. Облако передвинулось за Несолнце. Белый шар вынырнул из-за грязной мглы, наполняя центр города теплом. На границе теплой зоны несколько минут будет дуть ветер, пока давление не выровняется. Небо на короткое время приобрело серо-голубой цвет, подавляя воздушную перспективу Урсынова, висящего в нескольких километрах над его головой. Вертикальные струи дождя заливали теперь Жолибож.

В небе не было птиц. Все погибли спустя несколько лет после Перемен. Не смогли, как люди, приспособиться к новым условиям. Они разбивались о здания, о землю, а главное, о Барьер. Долше всего продержались воробьи: маленькие, серенькие, незаметные. Но и их время прошло. Харпад знал этих птиц только по фотографиям.

Если задуматься, то в Варшаве вообще не было животных.

Он расстегнул мокрую куртку и вдохнул влажный воздух. Демонстрация исчезла. Его не волнуют их проблемы, у него есть свои. Для начала надо сократить количество неизвестных переменных. Что такое Элиминация? Он иногда видел черные профили, выступающие как пенки сгнивших зубов из красных областей внутри g.A.I.a. Харпад никогда не рисковал приблизиться, а они со временем перемещались вниз, в районы, в которые он не совался. На них не было надписей, никакой информации. А может, он не замечал? Ведь он не знал, исчезают записи умерших или их хранят в другой базе данных. Если подумать, то он мало знал кроме необходимого для выполнения работы. Те, кто переступил порог в сто тридцать семь, заканчивают свою жизнь на кладбище? Их хоронят, если семья оплакала элиминированного уже давно? Если нет, то что делают с их телами?

Харпад сел в машину и вызвал экран навигации. Черняков? Повонзки? Здравый смысл?

* * *

Комната была стилизована под кабинет Фрейда, а возможно, и другого давно умершего психоаналитика. Она не разбиралась, просто выбрала первую же фамилию из всплывших ассоциаций. Может ли обстановка оказать какое-либо влияние на курс терапии и на сам ее смысл? Она сомневалась. Это все равно что лечить сломанную ногу иглоукалыванием.

Она про себя отметила, что корешки книг на стене – всего лишь фотообои. Зачем тратить больше усилий за тридцать злотевро в час? Комнате присвоен номер тридцать три, и ничего лучше не опишет количество людей, приходящих в клинику. Она сняла обувь и легла на стильную кушетку. Ужасно неудобную, заваленную покрывалами и подушками, а внизу наверняка обычный матрас на каркасе.

Она позволила себе опустить все любезности. Здраваться с автоматом казалось ненужным и странным.

– Не люблю, – признала она после долгого молчания.

– Знаю, – механический голос был нейтральным. – Расскажешь подробнее?

Она была благодарна разработчику, что тот не попытался придать психоанализатору человеческий вид. Это был низкий цилиндр, заканчивающийся оптоэлектронным куполом с несколькими выступающими пластинками, неизвестного для нее назначения. Он стоял на старом шкафу рядом с кушеткой, как солидная металлическая ваза. Или как урна с прахом.

– Я не могу любить, – сказала она, глядя в потолок. – Не могу чувствовать. Моя жизнь пуста. Господи, как же банально звучит...

– Зато как болит, – ответил робот. – Я отлично это понимаю.

Ну да, конечно.

Она заерзала на кушетке и посмотрела на психоанализатор. Он зашевелил пластинками вокруг купола, придавая себе взволнованный вид.

– Сомневаешься в том, что я понимаю? – спросил он. – Ты права. Это только эмпирическая закономерность. Я анализирую слова и жесты, чтобы тебя понять. Ложись поудобнее.

Пластинки задвигались, имитируя улыбку. Как вообще возможно, что несколько движущихся бляшек могут имитировать эмоции? Они даже не напоминали части лица, а все равно изображали мимику.

Она постаралась устроиться на кушетке с большим комфортом.

– Я не помню, когда поняла это. Наверное, будучи еще подростком. Девочки встречались с мальчиками, они нуждались в близости. Я – нет. – Она задумалась. – Мне хватало секса.

– Секс тоже заключается в близости.

Она пожала плечами.

– Речь шла исключительно об удовольствии. Я просила их ничего не говорить.

– Поэтому у тебя нет детей, – психоанализатор сложил пластинки в выражении сочувствия. – Чего ты ждешь от нашей терапии?

– Я понимаю, чего мне не хватает в жизни. Все больше и больше. Я хотела бы влюбиться. Нет, не так... Я хочу ощутить потребность в любви. А потом влюбиться.

– Откуда ты знаешь, что тебе нужно, если никогда не испытывала этого чувства?

– Испытала. Недавно.

– Каким образом тебе это удалось?

Она на минуту задумалась.

– Не могу сказать.

* * *

Повонзковское кладбище стало в три раза меньше после Перемен. Забытые могилы исчезли, освобождая места для живых. Жизнь обычного человека подытоживала алюминиевая урна в маленькой бетонной нише, в одном из стеллажей длиной в полкилометра.

Более рациональная переработка тела на компост оказалась культурно неприемлемой. Обязательна была высокоэнергетическая процедура кремации, при которой значительная часть пыли улетучивалась через дымоход – ее изначально было больше, чем могла вместить в себя маленькая банка. Человеческий прах улетал в атмосферу, чтобы анонимно опасть в виде мутного дождя и впитаться землей, одеждой и волосами живых, осесть горьким вкусом на их губах.

Да, подумал Харпад, все мы крутимся в инбридинговых консервах, вдыхаем чужое дыхание, едим то, что когда-то уже переварили. Так было и раньше, когда еще существовала планета Земля, но тогда у нас было неизвестное безграничное пространство. Пространство – слово, значение которого изменилось после Перемен. Когда-то давно пространство передавалось взмахом руки, указывающим на бесконечность за горизонтом. Сейчас – едва ли жест ладонью.

Повонзковские стеллажи строились параллельно оси Кольца, чтобы избежать искривления перспективы. Они создавали впечатление идеально прямых, серых монолитов с нишами, ждущими каждого жителя Кольца Варшава. Это единственное кладбище, каждый попадал сюда. Харпад не мог отделаться от мысли, что это место предназначено для него.

Облака, отсутствие деревьев угнетало еще больше. Он шел вдоль алюминиевых рядов и выискивал недавние даты смерти. Он запоминал фамилии. Иногда возле урны размещалась фотография, он с неохотой всматривался в нее. Старался не поддаваться царившей здесь атмосфере. У него было задание. Больше всего его угнетали пустые ниши, которые ждали погибших в аварии, от инсультов или инфарктов. Где-то на складе похоронной компании ждали пока анонимные, но готовые к наполнению банки. Урны.

Скамья была втиснута в разрыв между стеллажами, чтобы не портить перспективу. Ладонью он стер воду после недавнего дождя и сел. Остатки влаги пропитали брюки. Неподалеку сгорбленная старушка в черном пальто зажигала лампадку на полке, до которой едва могла дотянуться. Химический свет вместо стеарина и фитиля. Она кинула на нюхача бесцветный взгляд человека, живущего по привычке. Затем старушка отвернулась, протерла бетон, протерла алюминий, потом метелкой смела влажную пыль с тротуара. Но этого недостаточно. Ей не хватало хотя бы клочка бумажки, принесенного ветром, который она могла бы убрать. Сухая масса старого тела скоро окажется в алюминиевой банке рядом с ее мужем. А разум? А душа?

Она стояла с опущенными плечами напротив урны.

Харпад закрыл глаза. Рука дрогнула, по привычке он хотел потянуться за ухо. Сдержался.

Марыся смотрела на него из мягкого блока зеленого профиля. Восемьдесят пять. Со злости он пообещал себе, что кто-то за это ответит. Урезонив гнев, мужчина сосредоточился на задании. Напомнил себе фамилии из нескольких урн, недавно наполненных прахом. Ничего. Не помогли даже фотографии. Это были чужие люди, он не знал их, никогда не встречал. Найти их в дебрях профилей внутри g.A.I.a. оказалось невозможным. Медленно проплыл перед ним профиль старушки, которую он видел минуту назад. Ее ПО равен тридцати пяти, она не могла нарушить закон никоим образом, ее жизнь составили сонные ритуалы, которые никому не угрожали и никого не побуждали к совершению преступления. Должно быть, она проводила тут полдня, пытаясь найти себе занятие, в ожидании залетного мусора, который можно было убрать.

А если подтолкнуть ее показатель к ста тридцати восьми? Сколько времени пройдет, пока до нее доберутся элиминаторы? Как это выглядит? Быстрая полицейская операция или тихая работа, ловушка, неожиданная атака, пока никто не видит? Жалко женщину. Жалко, хотя она уже свое отжила. Ничего интересного ее не ждет, только коротание дней до конца существования. Несмотря ни на что, жалко.

Харпад удивился. Он мог бы здесь и сейчас толкнуть никому не нужную старушку в объятия Элиминации и посмотреть, как это работает. Мог получить ответы. Но он этого не сделал. Профиль одинокой Стефанской уплыл в зеленую бесконечность внутренностей g.A.I.a.

Нет, это должен быть кто-то, кого он знает. Он подумал о Юдите. Ее профиль сразу подплыл к нему, волоча за собой десятки нитей. Она ему немного нравилась, хотя они с Талинским были для него угрозой. Возможно, совесть, о наличии которой он только сейчас начал догадываться, меньше бы ему досаждала, если бы он использовал их и осуществил плохой сценарий. А что если он навлечет на себя гнев организации, стоящей за ними? Он толкнул ползунков возраста Юдиты, чтобы собраться с мыслями и развеять сомнения. Тот не шевельнулся. Значит, закон анонимности g.A.I.a. не позволил заглянуть в будущее полицейской.

Нет, он должен найти кого-то другого.

Есть... Сжатые губы и прищуренные ненавистные глаза. Гримаса превратила ее красивое лицо в злобную маску. Сейчас... это не его воображение, она на фотографии действительно выглядела так, словно ненавидела весь мир. Интересно, это потому, что он только

так видел Ренату, или потому, что фотография случайно оказалась в базе данных? А может, паразитирование во внутренностях g.A.I.a. позволяло выбрать любую фотографию из всех доступных? Модифицировать их? Ее ПО девяносто один. Поделом тебе, сука! Первая хорошая новость за долгое время. Ее профиль напоминал бесформенную, покрытую пульсирующими волдырями глыбу застывшей зеленой магмы, щупальца которой вползали даже на нити.

Он смотрел на три цифры: 091. Достаточно повернуть первую... Едва заметное касание. На удивление, он не смог этого сделать. Что-то его останавливало, хотя раньше он мечтал о подобном. Сосредоточился на ползунке ее жизни. Толкнул его вправо. Без результата. Или он что-то делал не так, или имел доступ только к будущему Марыси. А может, он случайно активировал какие-то меры безопасности. Харпад передвинул ползунок влево, в прошлое, когда их брак еще не распался. Лицо на фотографии изменилось на то, каким он его почти не помнил. На него смотрела женщина, которую он любил.

Которую он когда-то любил.

Профиль медленно удалился и исчез с неизменным показателем ПО девяносто один.

С противоположной стороны надвигалась большая угловатая глыба профиля человека, известного ему как Вольф. Твердыня без изображения владельца нависла над ним. Разве он вызывал ее? Наверное, неосознанно. Не было фотографий, не было даже места для них. Он подумал, что это результат его страха, а не конструкция базы данных. Харпад не знал, все ли здесь является его личным воображением, собственным интуитивным интерфейсом, создаваемым по мере того, как он познавал окружающее пространство. Наудачу толкнул ползунок жизни влево. Выскочила фотография шестнадцатилетнего Вольфа. Худой блондин с жестким взглядом серых глаз. Ужас лица. Он определенно знал законы этого мира, если смог утаить свое лицо, в то время как другим по силам только зависание на порносайтах в Сети. Вывод напрашивался один – за все время ни одна камера не зарегистрировала его образ.

От профиля Вольфа отходили сотни нитей. Харпад предпочитал не проверять, куда они ведут. Он не знал их природу, возможно, он сформировал их собственным воображением, чтобы проиллюстрировать очередные параметры внутренностей. В самих нитях должна таиться дальнейшая информация. Недостаточно нарисовать линии на таблице. Информации должно быть больше: кто, кого, когда, зачем и почему? Нить, едва различимая, связывала Харпада с Марысей и означала совсем иное, чем та, что вела к Юдите. Марыся была связана с ним линией, но еще со своей учительницей математики и с Вольфом, хотя ничего не знала про его существование. Нити выглядели похожими – бесконечно тонкие линии, исчезающие в зеленой перспективе. Из профиля Вольфа свисала одна нить, ведущая в никуда. Харпад только через время понял, что она не обрывается, а уходит вниз, в туманные области. Что там было? Он никогда раньше не видел нити, уходящие вертикально вниз.

Показатель ПО Вольфа был скрыт или размещен с противоположной стороны. Харпаду вдруг показалось, что касаться этого профиля – очень плохая идея. Поэтому он отодвинулся, чтобы собраться с мыслями. Он должен найти кого-то знакомого, чья судьба не будет для него тайной.

Он по очереди приближал к себе известных ему людей, о которых вспоминал, и отбрасывал их. Наконец, стало ясно, что он не может никого толкнуть в объятия Элиминации.

Тогда ему в голову пришел еще вариант. На первом этаже дома, где жил Харпад, был киоск Марьяна Жепецкого. Хромой и подслеповатый пенсионер был сонным грубияном, однако не лишенным смекалки, этой вульгарной замены интеллекта, благодаря которой у него всегда были деньги. Правда, смекалка блокирует дорогу к по-настоящему большим деньгам. Встреча с местной бандой, произошедшая много лет назад, после которой Жепецкий и начал хромать, не научила его простой истине – не стоит рисковать всем из-за маленькой прибыли. Бандиты, даже местные, не любят, когда их дурят. День без клиента, обманутого на пару еврокопеек, был потерянным днем. Старый дурень до конца не понимал, что был в Провокации.

Он думал, что это счастье улыбнулось ему, когда нашел на лестнице смятую банкноту. Он, конечно же, поднял ее и спрятал в карман. Счастье улыбалось ему еще четыре или пять раз, пока за ним не пришли посреди ночи. Неизвестно, что сделали со старухой Жепецкой. Она проснулась утром. Ее причитания прекратились, когда она поняла, что старый скряга, кроме дырявых штанов и носков, прятал под подушкой счет, как менеджер корпорации «Элемис». Она сразу же купила квартиру получше и переехала.

Марьян Жепецкий попал в Элиминацию две недели назад.

Харпад подался туда, куда очень не хотел. В место, которое иногда видел внизу под темными пятнами, напоминающими Барьер с небольшого расстояния. Если бы пространство имело запах, то это был бы смрад эксгумированного трупа. Кружение между черными блоками в черной пустоте над туманными неизвестными областями было каким-то беспокойным и вместе с тем... отталкивающим. Он не знал этих людей, проходя мимо случайных профилей-надгробий. Он не знал, живы ли они. Мог бы раньше проверить три рахитичные ниточки Стефанской, есть ли среди них та, что вела к ее умершему мужу. Сейчас было слишком поздно. Не было никаких нитей. Тут профили были лишены параметров, были черными, как и воздух. Не хватало только адских огней, которые вырывались бы снизу. Нюхач подозревал, что если сейчас уйдет отсюда, то уже никогда не вернется.

Нашел нужный профиль с трудом. Обгоревшие и неразборчивые цифры, возможно, были его воображением. Расплавленные барабаны с цифрами удалось повернуть на случайный показатель семьдесят три. Ничего не произошло. Вообще ничего. Он подождал немного, стараясь не смотреть на клубящуюся внизу грязную мглу. Он не знал, как тут считать время и отвечает ли оно течению времени в реальности.

И внезапно он ощутил на себе чей-то взгляд. Нет, это был не взгляд. Кто-то сосредоточил на нем внимание. Он чувствовал такое раньше, хотя не так сильно, как сейчас. Только знал, что это незнакомец.

Харпад открыл глаза и вздохнул с облегчением, как после кошмарного сна.

В пяти метрах от него лежала вдова Стефанская. Он сорвался с лавки. Тело старушки лежало в неестественной позе, на боку, с рукой, согнутой под корпусом. Она бы не легла так, чтобы отдохнуть. Камеры! Он не проверил раньше. Его инстинкты, похоже, в последнее время притупились. Сейчас уже поздно озираться. Поздно притворяться, что ничего не заметил. Он стоял над трупом, что было самым плохим решением из всех возможных.

Он выругался и приложил два пальца к шее старушки. Касание морщинистой, покрытой пятнами, мягкой кожи вызвало у него дрожь. Ничего. Он сглотнул внезапно густую слюну. Желудок напомнил о тяжелом пробуждении. Харпад с трудом справился с тошнотой, оперся на холодный бетон и несколько раз глубоко вдохнул. Он снял кепку и провел ладонью по влажным от пота волосам. Несолнце светило все сильнее. Харпад огляделся. Ни души вокруг, но это только вопрос времени. Он отошел на несколько шагов, вернулся. Пустота в голове заставляла его чувствовать себя трехлетним ребенком над разбитой вазой. То, что его сейчас никто не видел, ничего не меняло. Когда он сюда заходил, его точно где-то регистрировали. В воротах, правда, не было портала, но снаружи, на открытом пространстве, он точно попал в кадр нескольких камер ближайших магазинчиков, проезжающих машин коммунальных служб. Машины... Позиция каждого транспортного средства анализировалась системами управления дорожным движением. Эти данные легко проверить. Если они найдут труп, проверят всех, кто побывал в этом районе. Харпад был здесь, если тут был его автомобиль. И что теперь? Спрятать тело? Где? Он глазами пробежал по рядам маленьких ниш, сравнил с размерами тела старушки. Без шансов. А тут только ниши и лавки! Закопать нет возможности, все забетонировано. Закинуть на верх стеллажа? Не сможет, старушка весит килограмм сто. Вот была бы загадка для следователей!

Парадоксально, но забетонированное кладбище казалось ему худшим местом, где нужно избавиться от тела.

Сообщение о происшествии было бы равнозначно признанию вины и означало арест. Как бы он объяснил причину визита на кладбище? Нет, он не мог себе этого позволить, пока не освободит Марысю. Пустота в голове превратилась в галоп хаотичных, нерациональных идей, из которых неожиданно выскочило решение тайны всезнания Вольфа. Он имеет доступ к данным системы управления дорожным движением, поэтому и к актуальному положению Триумфа. Вот откуда он узнал вчера про зоопарк.

Вольф... Он сказал, что они заботятся о друзьях.

Харпад вздохнул, вытащил коммуникатор и набрал сообщение, с трудом справляясь с дрожанием рук: «У меня проблема». Ответ пришел почти сразу.

«Не через коммуникатор».

«Это срочно».

«Включи кодировку».

Он понял, что речь не о стандартной кодировке программного обеспечения коммуникатора, а о программе, которую установил. Он отметил соответствующую опцию и написал:

«Я на кладбище. Старуха мертва. Это не моя вина, но я был рядом. Не знаю, что делать».

Кто-то появился в ста метрах от него, на перпендикулярной аллейке. Бурый плащ исчез до того, как нюхач успел испугаться. Он вздрогнул, когда запиликал коммуникатор:

«Отправь свою геолокацию. Посади тело на лавку и медленно уходи с кладбища».

На лавку... Конечно. Просто, как просто! Сообщение исчезло, как только он его закрыл. В ответ отправил свое расположение и встал над телом.

Нужно его коснуться.

Он провел ладонями по лицу и быстро огляделся. Безлюдней, чем сейчас, уже не будет. Он набрал воздуха, перевернул тело на спину и встал над ним. Схватил полы пальто и немного приподнял. Застонал и опустил его. Так он не сможет. Он снова огляделся. Кто-то приближался со стороны Повонзковской улицы. Еще одна старушка, в этот раз в неуместном для этого места ярко-розовом плаще. Семьдесят метров. Только бы у нее было плохое зрение.

Он обошел труп со стороны головы и подsunул руки под мышки бывшей вдовы. Немного приподнял, голова откинулась назад, и мертвые глаза уставились на Харпада. Он разжал руки. Тело упало, а руки старушки, опираясь о его запястья, поднялись, словно мертвая Стефанская пыталась хлопнуть в ладони. Харпаду стало плохо.

Розовый плащ приближался, к счастью, медленно. У нее действительно было слабое зрение, потому что от нюхача с трупом ее отделяло не больше пятидесяти метров.

Он снова попробовал, в этот раз подставив под спину Стефанской колено. Обнял тело и потащил в сторону лавки. Удалось переместить ее на полметра. С очередным рывком голова покойницы прикоснулась к его щеке. Он чуть не закричал. Он наклонил голову, чтобы холодное ухо касалось его кепки, а не кожи.

Через несколько рывков труп сидел, прислонившись к лавке. Сейчас самое трудное. Он обошел лавку с задней стороны, подхватил Стефанскую под мышки и потянул вверх. Его позвоночник отозвался болью. Он проигнорировал это и потянул сильнее, усаживая, наконец, тело на скамейку. Он присел на корточки, поставил ее ноги ровно, сложил руки в как можно более естественную позу и оценил результат. Покойница выглядела так, словно задремала. От этого он бы уже никогда не оправдался, уже не мог сказать: «Это не я». Он оставил массу следов, отпечатки пальцев на гладком бетоне. Можно ли снять отпечатки с бетона? А с лавки? А волокна ткани? Эпидермис? Он посмотрел на ладони, ободранные об ткань пальто и бетон. Он знал, что если люди Вольфа не придут в ближайшее время, он попал.

Звук шаркающих шагов приближался. Харпад краем глаза заметил розовый плащ. Он сел на лавку, стиснул зубы, чтобы не издать ни единого звука и... схватил труп за руку.

Старушка медленно прошаркала рядом, кинув на него ничего не выражающий взгляд. Точно так же на него смотрела Стефанская пятнадцать минут назад.

Он подождал, пока женщина отдалится на несколько метров, встал и пошел не оглядываясь. Самым спокойным шагом, на какой только был способен, с трудом заставляя себя не бежать, он подошел к Триумфу. Когда упал на сиденье, непроизвольно посмотрел в зеркало. Заднее было пустым. Возле ворот остановился синий Жук технической службы города. Из него вышло двое мужчин в комбинезонах, из багажника вытащили четырехколесную тачку и быстрым шагом исчезли за кладбищенской стеной. Вот как это делается.

Харпад лишь сейчас ощутил, что намок от пота, а руки тряслись, как у наркомана при ломке. Позвоночник пульсировал тупой болью. Из бардачка он достал антибактериальные салфетки, которые всегда возил с собой, и методично вытер ладони. Потом сделал это еще раз. Вытащил из кармана коробочку с лекарством и, не запивая, проглотил две таблетки обезболивающего. Харпад немного успокоился, и до него наконец дошло, что произошло. Старушки умирают сами по себе. Никто не открывает следствия в деле старушек, которые умерли на кладбище.

Он задал компьютеру случайный пункт назначения в старые районы и откинулся в кресле, ожидая, пока лекарство подействует.

VII

Юдита поднесла стеклянную ампулу с прозрачной жидкостью под лабораторную лампу.

– Не спрашивай, как это работает, – мужчина в белом фартуке покачал головой. – Это не наша технология. С момента вскрытия ампулы nano будет активно не более получаса. В сухом помещении и того меньше. До тех пор, пока хватит водяной оболочки. Когда этот тонкий слой испарится, метабелковая изоляция разрушится и nano выйдет из строя. У тебя полчаса с момента открытия ампулы.

– Он должен это выпить?

– Достаточно капли.

– Сколько времени оно будет действовать?

– Организм сразу начнет бороться. Цитотоксические Т-лимфоциты воспримут nano как вирус, потому что nano похоже на вирус. Перестанут действовать через неделю, может две, все зависит от иммунитета. Бывает, что уже через два дня.

Она огляделась в подсобке полицейской лаборатории. В углах помещения, высоко на стеллажах стояли ящики и матовые контейнеры. За стеной из молочного стекла шла оживленная дискуссия о превосходстве электронных модулей *Elzab* над модулями *Elwro*.

– Это безопасно, – догадался он о том, что взглядом искала девушка. – Я занимаюсь надзором, знаю, как это работает.

– А как объяснишь отсутствие этого? – она спрятала ампулу в карман.

– Стекло иногда бьется. Сейчас мы в расчете?

Она усмехнулась и вышла.

* * *

Темнело, а косые полосы воды, как большая метла, надвигались с севера. Будет дождь. Или короткая морось, или ливень, это невозможно предугадать. Харпад посмотрел на экран коммуникатора и нажал соответствующее поле. Он приближался к Бемову, где уже объявили осадки. Верхние этажи небоскребов на Воле охватила резко конденсирующая влага. Все равно, пусть идет дождь.

По мере того как боль утихала, к нему возвращалась ясность ума. Харпад знал, что движется по незнакомой местности, где правят другие законы, и его интуиция ничем не поможет. Он хотел как можно быстрее ехать к Марысе и сделал бы это, если бы не рациональная оценка ситуации. Он не мог ее освободить, у него даже оружия нет. Лучше для дочери, если она останется там до полдевятого, что-то должно случиться в это время. Пусть план похитителей действует. Харпад знал, что только от него зависит, какой ПО будет у Крушевского, это имело решающее влияние на ход событий. Как и на судьбу Марыси.

Пиликнул коммуникатор.

«Что собираешься делать, скотина?»

Он стиснул зубы. У него не было сил с ней ругаться.

Он наклонился к коммуникатору, пока не ощутил боль в спине. Продиктовал сообщение как можно спокойней:

– Это и моя дочь тоже, поэтому доверься мне в этот раз.

Он почти кинул коммуникатор в лобовое стекло. И что в этой бабе он когда-то нашел?

Харпад вздохнул. Нужно тщательно все изучить, чтобы не совершить ошибку. Если бы перед смертью вдовы Стефанской он передвинул ее показатель, что и собирался сделать, то сейчас бы считал, что Элиминация состоит в немедленном убийстве людей. Но это не так. Что

ж, придется забыть про добровольную Элиминацию. Слишком много неизвестных, слишком рискованно.

Случайным пунктом назначения оказался въезд на двухэтажную полицейскую парковку. Он посмотрел на экран и понял. Перед кладбищем он разнервничался и совершил ошибку, выбрав историю. Триумф был вчера в этом месте, после аварии на Вислостраде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.